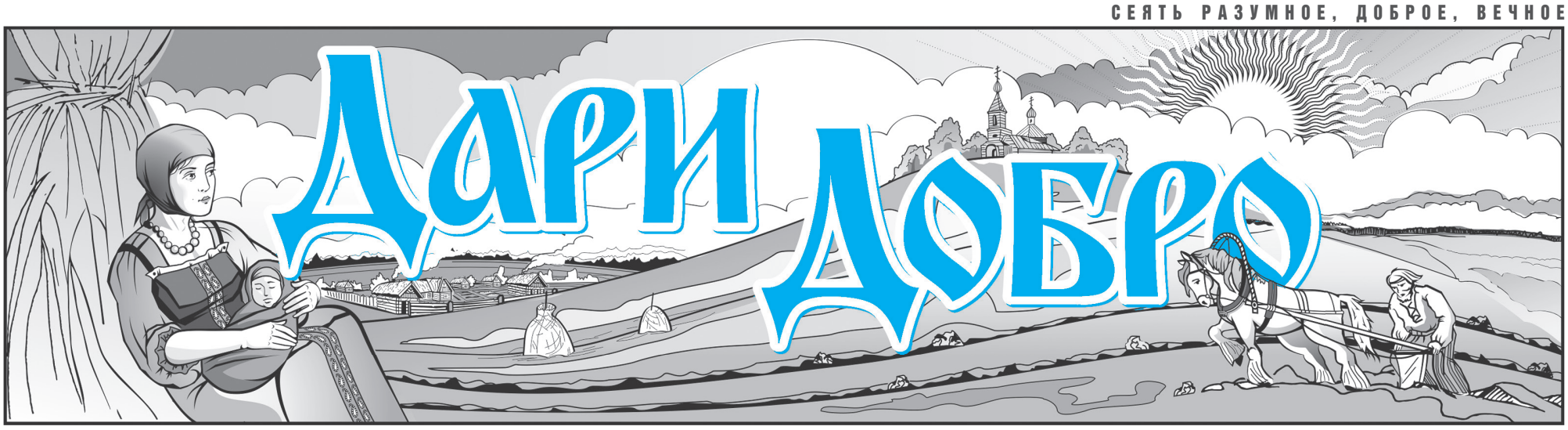
СЕЯТЬ РАЗУМНОЕ, ДОБРОЕ, ВЕЧНОЕ



№ 1 (24) ЯНВАРЬ 2019

ОДОБРЕНО СИНОДАЛЬНЫМ ИНФОРМАЦИОННЫМ ОТДЕЛОМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ЖИЗНЬ ВЕЧНАЯ

ПАМЯТИ ДРУГА

Второй год нет с нами Владимира Филиппповича Смыка (умер 24 сентября 2017). Читатели знают его как автора блестящих статей о русской культуре, обличителя её врагов. В своих политических статьях он взошёл на вершину журналистики, смело разоблачая губителей России. За такие разоблачения многих убили, и Владимир Смык был готов к самопожертвованию.

Говорят, что он надорвался, разоблачая омерзительную клевету на Царя в скандальном фильме, а если бы не писал об этом так много (и так хорошо), то ещё пожил бы. Но я считаю, что именно этот труд по воссозданию светлого облика Царя-мученика был его жертвой Богу, необходимой для спасения души. Недаром, узнав о кончине Владимира, я неожиданно испытал чувство радости – как радуемся мы о человеке, сподобившемся жизни вечной. Теперь у меня есть друг, который живёт на Небесах и молится обо мне.

Верю, что такой молитвенник есть и у наших читателей, которых Владимир Филиппович считал своими друзьями.

Поэтому будем молиться об упокоении раба Божьего Владимира с чувством радости, в светлой надежде, что и он молится о нас.

...Отдавая память нашему другу, мы публикуем в этом номере трогательный рассказ его дочери Анастасии Владимировны Смык «Воспоминания о папе». Она с рождения неизлечимо больна и не может ходить самостоятельно. И папа с великой любовью пытался облегчить её страдания, чем-то порадовать её, украсить жизнь Насти. Это породило в дочери ответное чувство, не менее сильное.

По Промыслу Божию, вызванные недугом страдания породили великую любовь отца и дочери, которой не страшна смерть. Я учусь у них правильному отношению к неизлечимой болезни — с радостью и благодарностью Богу, которое ведёт к спасению души. И желаю этого нашим читателям.

Михаил Алексеевич ДМИТРУК

(Окончание темы на стр. 14-15)

ОТКРОВЕНИЕ

Покаяние

КУРСЫ ПОЗНАНИЯ ДУШИ

В последних интервью, опубликованных в газете «Дари Добро», Александр Иванович НОТИН всё больше отходил от политики, всё больше говорил о внутреннем мире человека. Раньше часто публиковал политические статьи на портале культурно-просветительского сообщества «Переправа», которое он возглавляет, а недавно я хотел найти там хотя бы одну — и не нашёл ничего. Очень удивился и огорчился, ведь у него были талантливые комментарии, которые больше никто не делал: политические события объяснялись с духовной точки зрения, с позиций Православия. Зато в интернете постоянно появляются сообщения о выступлениях Нотина по радио и телевидению перед разными аудиториями с лекциями и беседами.

— Что произошло, Александр Иванович, почему вы отошли от любимой темы, о чём у вас сейчас душа болит? – спросил я его во время очередной встречи.

— Тут два обстоятельства, — ответил он. — Первое – это искреннее ощущение, что я начинаю повторяться. И это очень досадно, потому что жизнь человека короткая и её надо использовать максимально эффективно.

Второе обстоятельство: что происходит с нами со всеми, мы более-менее уже понимаем – но нет понимания того, что делать, а это не менее важный вопрос. Даже если мы будем с самых правильных духовных позиций оценивать политические, общественные, культурные события, внутри нас самих ничего кардинально не изменится. И я начал задумываться о том, что каждому из нас в перспективе нужно делать? И можно ли что-то делать? И внезапно пришёл к пониманию того, что Православие имеет ответ на вопросы – и что делать, и как делать, чтобы человек не ощущал себя такой козявочкой жидконогой, как в одной из книг братьев Стругацких. Чтобы не ощущал себя блохой, которую каждый негодяй может раздавить.

На самом деле сегодня верующий человек – это объект стратегического действия, это фактор геополитики. Такая неожиданная мысль мне пришла: наступает время, когда каждый может и должен взять на себя посильную ответственность и, изменив себя к лучшему, что-то сделать, не оглядываясь на возраст. Даже если у него остаётся мало времени, он может много сделать, поправить и в своей жизни, и вокруг себя.

Даже такая мысль пришла: огромным количеством скорбей, несчастий, бед, обрушившихся на наши русские головы за последние сто лет, — что Господь всем этим нас и подводил к такому пониманию. Может быть, это звучит слишком самонадеянно, но такое ощущение есть. Все эти беды: войны гражданские, мировые, перестройки и прочие огненные испытания русского мира – это всё было с большой целью, была заданность внутри этого. Заданность эта адресована не к народам в целом, а к душе каждого человека. И чем больше были страдания, тем больше эта заданность ощущалась.

Господь наш Иисус Христос в Евангелии объясняет, что «многими скорбями подобает нам внити в Царствие Небесное». Сейчас весь мир погружается в какую-то пучину чудовищного безумия (о чём, кстати, и писалось много), в какую-то страшную «эпоху лжи» (даже так её назвали на Западе), в какое-то чудовищное растление, в безобразные, абсолютно невыносимые пороки, в беспределы в средствах массовой информации. Происходит обезчеловечивание человеческих отношений на всех уровнях — торжество мошенников, негодяев, убийц, кровопийц, людоедов, развратников, извращенцев...

— В таких условиях, что могу сделать для общества я – маленький человек?

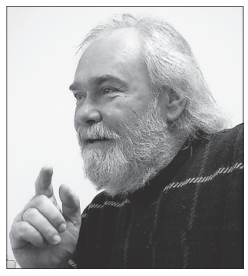
— Хороший вопрос. Когда мы заглядываем в эту самую глубинную суть происходящего, которая, конечно, внутри каждого из нас и больше нигде, я отвечаю: «Есть чем заняться».

Это и есть тот мотиватор, который побудил меня отойти в сторону от общественно-политических изысканий и заняться ещё более важным – совсем уже внутренним делом. Для того, чтобы попытаться осмыслить не просто что происходит, но и что делать.

(Окончание на стр. 2-3)

ОТКРОВЕНИЕ

МИСТИКА ПОЭЗИИ



Я давно собираю научные подтверждения истинности Православной веры. Мне предоставляли их учёные, инженеры, медики, педагоги, военные. Но я никак не ожидал получить такие подтверждения от поэта, потому что всегда сомневался в спасительности поэтического творчества. Слишком много искушений ожидает стихотворца, и надо стать Святителем Филаретом (Дроздовым), чтобы писать стихи с пользой для души. Мол, какие могут быть подтверждения истинности из ложного источника — от грешного стихотворца. Но, слава Богу, я встретил поэта-мирянина, который развеял мои сомнения.

— Дорогой поэт наш, Игорь Дмитриевич ГРЕВЦЕВ! Поделись, пожалуйста, с нами секретами творчества. Расскажи, как ты пишешь свои стихи?

— Честно говоря, я не люблю это слово: «пишешь». Стихи не пишутся – стихи записываются. Если это действительно стихи, а не зарифмованные собственные рассуждения. Я для себя давно это сформулировал и всем это говорю. Поэт, если это настоящий поэт, – он работает как приёмник ультракоротких волн.

— Каких-каких волн?

— Ультракоротких. Это когда чуть-чуть сбил в сторону волну, и она тут же теряется. Главная задача поэта: когда пошёл вот этот творческий поток – поймать и удержать его. Записалась строка, и ты опять слушаешь поток. Вдруг появляется другая строка, и ты вставляешь её — как в пазлах, чтобы никаких зазоров не было.

— Как это?

— Вот родилась предыдущая строка и рождается последующая — раз, она не ложится. Всё вроде хорошо, всё вроде правильно, но она не родная, она не та. И ты ловишь другую строку.

— Откуда «ловишь», где «плавает» эта строка?

(Окончание на стр. 7-11)

ОЗДОРОВЛЕНИЕ

ПРАВО НА БОЛЕЗНЬ

Виталий Александрович Копылов

Трагедия медицины. Именно так я расцениваю тяжёлую болезнь знаменитого доктора Виталия КОПЫЛОВА, которая сделала его неспособным передавать ученикам огромный опыт оздоровления больных с помощью разработанного им метода внешнего болевого воздействия (ВБВ).

Десятки лет Виталий Александрович призывал официальную медицину изучить и внедрить в широкую практику его метод. Но эта медицина зажмурила глаза и заткнула уши, чтобы не видеть и не слышать блестящих результатов апробации его метода в лучших институтах и клиниках России. Она делала вид, что не знает о потрясающих результатах исцеления доктором Копыловым без лекарств и операций тысяч больных, которым не смогла помочь эта самая медицина. Не знает, что он получил десяток патентов на немедикаментозные способы лечения недугов, считающихся неизлечимыми: ишемической болезни сердца, детского церебрального паралича, бронхиальной астмы, облитерирующего атеросклероза сосудов, гидроцефалии, синдрома Меньера и других.

Официальная медицина оставалась слепой и глухой, потому что метод ВБВ делал ненужными горы лекарств и миллионы операций, которые делают хрониками (или отправляют на тот свет) людей, способных выкарабкаться из «неизлечимых» болезней с помощью... боли. Доктору Копылову принадлежит великое открытие, что боль – это не только сигнал об опасности, но и попытка организма избавиться от болезни. Надо помочь больному правильно проболеть - и он станет здоровее, чем был до болезни.

Со стороны было хорошо видно, что наша медицина не желает помогать доктору Копылову в распространении его метода. Иначе ей пришлось бы похоронить саму себя. И я годами призывал Виталия Александровича оставить наивные надежды на государственную поддержку, открыть свою школу и воспитать многих учеников – достойных продолжателей его благородного дела. Например, его ждали в Троице-Сергиевой Лавре, насельников которой он лечил и где мог бы обучить семинаристов и монахов методу ВБВ. Но доктор отказывался, потому что считал себя обязанным, прежде всего, закончить научные исследования метода, которые вела его лаборатория. А на её работу надо было добывать деньги, потому что государство давно перестало финансировать лабораторию. И доктор Копылов вынужден был зарабатывать своими руками, пролечивая более сотни больных за один день, и так – три раза в неделю: месяц в Москве, месяц в Петербурге. А ему было уже под восемьдесят.

Но главное – Виталий Александрович спешил закончить книгу, обобщавшую его 45-летний опыт лечения методом ВБВ, который реально избавил от недугов или улучшил состояние более 40 тысяч больных, а не создал видимость лечения, когда одно «лечат», а другое калечат. Сроки выхода книги поджимали, чтобы закончить её вовремя, доктор вынужден был прекратить походы в баню, где каждый раз восстанавливал свои силы на следующий день после сверхнапряжённых суток. Несколько месяцев он только лечил людей и дописывал книгу.

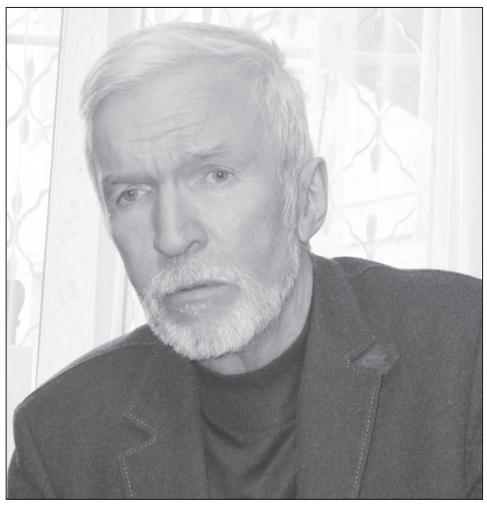
В результате было подорвано здоровье, которое до этого было поистине богатырским (это видно из его последнего интервью: «Нет пророка в своём Отечестве», - «Дари Добро», № 22). И доктор Копылов получил тяжелейший инсульт, сделавший его безпомощным. Родные и близкие сочли, что инсульт ничем не лечится и уговорили Виталия Александровича лечь в больницу. А там ему устроили радушный приём – прежде всего, сняли боль, которой он лечился полвека, сделав его неспособным самостоятельно бороться с недугом. Ну и «полечили» – так, что, кроме инсульта, он переболел воспалением лёгких и другими тяжёлыми недугами (от которых, кстати, можно было избавиться его запатентованными способами).

(Окончание на стр.4-5)

ОТКРОВЕНИЕ

КУРСЫ ПОЗНАНИЯ

Беседа с Александром Ивановичем НОТИНЫМ



Александр Иванович Нотин

(Окончание. Начало на стр. 1)

Оказывается, внутри каждого человека живёт гигантский потенциал независимо от его нынешнего состояния. И от этого потенциала человека отделяет, во-первых, невежество. Незнание просто своего внутреннего мира, души, её свойств, способностей, характеристик, ресурсов, резервов, происхождения, участи за гробом и так далее. Образно говоря, у меня есть трактор, но я об этом не знаю, он стоит в гараже. А я беру лопату и иду копать. Кто виноват – трактор, лопата или всё-таки я?

Если у меня в душе есть гигантский генератор энергии, огромная библиотека знаний, есть великий вдохновитель, защитник, путеводитель, наставник – Господь Бог, с Которым я могу иметь личные отношения, но я этого не знаю, — кто виноват? Но это первый момент – невежество.

А второй момент – отсутствие, утрата неких важных навыков для того, чтобы этими ресурсами воспользоваться. Эти навыки ухнули в ту историческую пропасть, которая отделяет нас от России православной. Я думаю, было бы большим преувеличением назвать нынешнюю Россию православной. В православной – Богом хранимой России не могло бы быть такого безобразия на телевидении, или в школах, или на улице, в рекламе. Не могло бы быть.

Так что мы имеем два момента. Первый – это невежество. Второй – это утрата исторической преемственности, прежде всего семейной, потому что раньше всё это было в семьях. Теперь в русских семьях ребёнок может ходить в воскресную школу, а папа с мамой даже не хотят креститься, а бабушка с дедушкой ни разу не исповедовались. Какие перекосы чудовищные: те, кто должен ребёнка подтягивать, как-то воспитывать, объяснять ему, рассказывать, то есть ликвидировать невежество, сами чудовищно невежественны.

Люди погрязли в духовной безпризорности, поэтому ходят по кругу, орут друг на друга в ток-шоу, так что гвалт стоит как на псарне. И друг друга за волосы таскают, и проклинают. Не знают, что творят сами с собой. А невежество это приводит к тотальному безумию, к умопомрачению.

И снова, и снова возникает главный, извечный вопрос: что делать? И вот этим вопросом я сейчас и занимаюсь.

Видеоконференция с полковыми священниками — курсы познания души

— *Как убедить молодёжь, что внушённые им ценности ложные, что они ведут к погибели? Как помочь им отказаться от губительных удовольствий ради истинных радостей, ведущих к спасению?*

— Правильно говорят профессор Алексей Осипов и психолог Ирина Медведева, что проблема не в молодых, а в пожилых. Молодёжь – это уже продукт, это следствие, не причина. Поэтому, кстати говоря, я больше адресуюсь сейчас в этих просветительских беседах к людям старшего возраста. Мы нарабатываем с Синодальным отделом по взаимодействию с вооружёнными силами и правоохранительными органами как раз методики для работы со взрослыми.

Это люди, пострадавшие уже в этой жизни, натерпевшиеся, намыкавшиеся, но при этом интеллектуально достаточно развитые. Это нередко люди, получившие одно или два высших образования, кандидаты наук и так далее (человек, может быть, учился не тому; таких людей Феофан Затворник называл немного учёными или научниками). Это люди, которые накопили много разной информации, но прошли мимо ключевых истин, и это не вина их, а беда.

— *У них душа наполнена всевозможным мусором, который мешает усваивать главное – то, что нужно для спасения. Преподобный Паисий Святогорец называл таких людей обезображенными внешним образованием.*

— Но у них есть большое преимущество – это жизненный опыт, это скорби, которые они прошли. И второе – это высокая способность к организованной системе мышления. Они способны усваивать огромные объёмы информации, интенсивно перерабатывать их. И поэтому то, что мы им даём, они в состоянии достаточно быстро принять.

А одна из особенностей умного внутреннего делания (заметьте — умного, а не глупого, и внутреннего, а не внешнего) состоит в том, что человек может изменить свою внутреннюю – душевно-духовную жизнь очень быстро: исправить, исцелить, изменить к лучшему. Потому что душа регенерируется в любой момент жизни – например, как у благоразумного разбойника за три часа до смерти. В любом состоянии – хоть она вся окровавлена, избита, изувечена и искалечена – душа может достаточно быстро, как Феникс из пепла, воспарить и стать из дряблой, уродливой развалюхи могучим воином духа. Такое возможно для души, для тела нет. Тело, если уж начало дряхлеть и убывать, то всё, пиши пропало и готовься к неотвратимому финалу. Душа иначе.

И очевидно, что в условиях нашего бедствия мы должны именно туда сконцентрировать своё внимание. Конечно, это работа церковная. Но что такое Церковь? Я – Церковь, вы – Церковь, священники – Церковь, и архиереи – Церковь, и Патриарх – Церковь. Всё – Церковь, всё – живое тело Христово. Православие хранит эту истину, хранит до сих пор, несмотря на все революции и все войны, хранит эту истину как зеницу ока. «Церковь есть столп и утверждение истины». Эта истина привнесена нам Господом Богом, за эту истину Господь пострадал на Кресте, умер как человек, воскрес, вознёсся и открыл нам двери Рая – ради этой истины.

Так что же мы, чем ещё должны заниматься? Критиковать, пусть даже с самых правильных духовных позиций, эту власть, или эти СМИ, или эти порядки, или этот несчастный Запад, который уже надо не критиковать, а просто жалеть, как тяжелобольного глубоко несчастного человека.

Нет! Нам надо думать, что с этим делать.

— *Если проблема не в молодых, а в старых, то как мы сможем убедить заняться духовным совершенствованием людей, которым абсолютно безразлично состояние своей души, которые, как вы сказали, десятки лет не ходили в церковь и никогда не исповедовались? Чем можно их вдохновить?*

— Вот я плохо вижу. А врач принесёт мне таблетки и скажет: раз в неделю пей – будешь хорошо видеть, и никаких побочных эффектов. Как вы думаете: он меня вдохновит?

— *Ну, это другое дело.*

— И всё-таки, он меня вдохновит?

— *Конечно.*

— Вот сидит пожилой человек. У него с внуками не поймёшь чего, с детьми разлад и расстройство, работы нет, того нет, ругань, сплошные скорби. У самого тут болит, там болит и так далее. Впереди — не поймёшь чего. Вернее – можешь понять: окажешься ты в больничном коридоре – и никому ты не нужен. Даже родным ты не нужен, потому что они тобою не так воспитаны. Всем на тебя наплевать, и помрёшь, и всё.

Такой сидит пожилой человек, и, наверное, в подкорке у него это есть. Можете не сомневаться, каждый об этом думает. Так или иначе, в кошмарных снах или в дневных мыслях.

И вдруг мы к нему приходим и говорим: слушай, не всё потеряно. Тебе кажется, что ты заблудился в дремучем лесу, и никакого выхода нет, всё пропало, осталось только скорбеть, самого себя изводить... Нет — выход есть!

Дальше мы смотрим, как он реагирует. Есть категория упёртых людей, которые уже закоснели в своём невежестве. Такие люди говорят: не трогайте нас, нам и так хорошо. О них идёт речь в притче о плевелах, которые враг человеческий посеял ночью на пшеничном поле. Господь говорит: не трогайте их, пусть они растут. Придёт время, выдернем плевелы и сожжём, а пшеницу отдельно соберём. Почему не выдёргивать сразу? Чтобы не повредить ростки пшеницы.

А у другого человека – щёлк – и он пробуждается от духовной спячки, начинает упорно работать над собой. Почему у него сработало? Господь Бог к нему прикоснулся. Да, это своего рода избранные люди, у которых щёлкает этот тумблер, с минуса на плюс. На шкале слева от нуля минус один, и так далее, а справа – плюс один, два, три... Какая разница? Не несколько единиц, а миллионы – почему: тут — к свету, Господу, а тут — во тьму кромешную, где плач и скрежет зубов.

Почему происходит это переключение, не знаю. Но я знаю то, что у нас в обществе огромное количество потенциально призванных людей, потенциально верных Господу людей, которые, может быть, об этом даже пока ещё не подозревают. У них внутри уже что-то там копошится, что-то такое теплится. К ним надо обратиться с ободряющим словом истины – это уже наша работа.

Не надо ни на кого кричать, не надо никого тянуть за руку – просто найти правильные слова, которые Господь в изобилии нам предоставил и в Писании и в Предании. И правильный метод найти. Один из возможных методов – это то, что мы сейчас делаем в отделе: «Курсы познания души для взрослых».

— *О чём вы рассказываете на этих курсах?*

— Начинаем с азов. Первая Заповедь Божья: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим. А Вторая важнейшая Заповедь: возлюби ближнего своего как самого себя. В Евангелии сказано, что на этих двух заповедях стоит, держится, а лучше сказать – «висит» (на греческом так это читается) весь Закон и пророки. Они к Небу прикреплены эти заповеди, с Неба спущены.

Но что значит Вторая Заповедь? Очевидно, прежде чем возлюбить ближнего, я должен научиться любить себя. А что значит любить себя?

— *Какого себя?*

— Мы выясняем: оказывается, что-то есть внутри меня, что надо возлюбить. Я должен понять, познать себя, свою душу.

— *А почему душу – может, надо тело возлюбить? Себя лелеять, хорошего, удовольствия получать...*

— Человек не животное. Человек — существо трёхипостасное: у него есть дух, душа и тело. А животное – существо двухипостасное: когда оно умирает, душа вместе с телом уходит в землю, откуда они и были взяты. Господь создал животное из праха земного – как и человека, который на две трети состоит из этого же праха. Но ещё Господь отдельным актом вдунул в Адама дыхание жизни, и стал человек душою живою. Вот в чём отличие человека от животного: человеческая душа при сотворении была одухотворена. Адам стал живою душою – не живым телом только.

Встаёт внутренний человек

Такое одухотворение и при крещении происходит: на крещаемого, как на апостолов в Патидесятницу, сходит Святой Дух. Человек отрицается от сатаны и дел его – и рождается новый человек внутри ветхого, плотского человека. Но этот новый человек, как из семени, может возрастать и укрепляться, а может сгинуть без следа.

Поэтому возлюбить себя – это значит понять, что внутри твоего тела, внешнего человека (скафандра для души)...

— *Который ты всегда любил...*

— ...на которого всё твоё внимание по инерции было направлено, сто процентов, оказывается, есть ещё внутреннее тело, которое, правда, весит немного — 20 грамм (настолько легче становится тело человека после смерти, когда от него отделится душа). Это очень разреженное тело: расстояние между частицами в этом теле в 175 раз меньше, чем между атомами воздуха. Это эфирное тело свободно проходит сквозь твёрдые вещества, как Господь проходил к апостолам через закрытые двери, плотные тала, при этом сохраняя жизнь.

Это разреженное живое тело по форме похоже на человека. О нём заботиться надо? Конечно. Состояние души — это главный итог жизни человека. Душа – то, что остаётся от человека, когда тело после смерти предаётся земле. Разлучившись с телом, душа идёт на суд Божий, на объективное освидетельствование того, как она провела жизнь на земле во внешнем теле. Соответственно, все грехи человека, все его страсти, глупости оставляют отметки на внутреннем теле. Поэтому и говорят, что душа открывается как книга – ничего не спрячешь. Воровал, лгал, клеветал, унижал, насиловал, убивал, и так далее – всё там. Душа – это летописец нашей жизни. Мы можем во внешнем плане отговориться, подкупить, обмануть, улизнуть, скрыться, – а внутри все отметки на месте в виде ран, язв, всевозможных переломов, тяжелейших иногда травм. Все наши грехи так называемые оставляют эти отметины, которые открываются после выхода души из тела.

К жизни вечной

Но есть ещё один нюанс: когда душа выходит из тела, она уже ничего изменить не может. Изменить себя, лечить себя она может только во время жизни в плотном теле. Покаяние так и переводится – изменение. Изменение образа мыслей, образа жизни – вот что такое покаяние. Это не просто прийти в храм и перечислить свои грехи. Если ты вышел из него и опять согрешил – это не покаяние.

И тогда что мы получаем: нам надо освоить в достаточно короткие сроки, особенно людям пожилым, целую науку о душе. Её можно освоить, по моим представлениям, с серьёзными занятиями, обязательно в сопровождении священников, с обращением к первоисточникам, где-то в течение года. Одновременно науку о душе надо применять – как и науку о теле.

Мы понимаем, что ботиночки надо надевать по погоде. Носочки сухие – всё как положено. Зубки почистить, личико помыть, бельишко сменить. Если мы этого не делаем, то через месяц вообще ничего не делаем. Через месяц мы превратимся в бомжа.

То же самое душа: если мы за ней не ухаживаем, адресно, системно, тщательно и правильно (ключевое слово – правильно), — то получаем бомжа внутри себя.

Вот мы видим богатого человека, у которого, казалось бы, всё есть: деньги, виллы, яхты – он бегает по горам, ныряет в какие-то воды, погружается на батискафах, летает на воздушных шарах, и так далее. А в душе у него пожар, и он от этого пожара пытается убежать. А как от него убежишь? Ты даже убить свою душу не можешь. Можешь убить тело – Боже, конечно, упаси. Но душу ты не убьёшь при всём желании. Просто она раньше времени выйдет из тела по твоему произволу, за который тебе отдельно перед Господом придётся отвечать, потому что ты волю Его относительно себя нарушил. И на душе будет такая рана от самоубийства, на которую смотреть страшно. Вот и вся разница.

— *Самоубийство – единственный грех, который*

ДУШИ

невозможно замолить. Душа самоубийцы навечно остаётся в аду.

— Богач об этом не думает. Вот он носится, а душа изнутри его непрерывно бьёт.

— *Почему?*

— Потому что он ею не занимается по-настоящему. Не занимается благотворительностью, вообще ничего доброго для других не делает. Он только себя ублажает. А душа его молотит изнутри кулаками и говорит: «Займись, займись — скоро помрёшь. Хозяин, проснись! Уже приближается момент икс, а ты ничего не делаешь.»

Неухоженная, забытая, заброшенная, больная его бьёт. А он не понимает, что происходит, потому что он невежественный. И он продолжает чудить. То одно, то другое, то третье – а ничего не помогает. Он недоумевает: «Как же так, у меня всё есть, а мне плохо.»

Это легко произнести: «Займись душой». Но это трудно сделать. Наша душа – это раздолбанное пианино. Огромное количество клавиш – и все расстроены. Никакой композитор, никакой Рихтер ничего на нём не исполнит. Нужно каждую клавишу тянуть – а их много. Например, клавиша страха – надо искоренить его из себя; человек может искоренить девять десятых страха. Клавиша ошибок, их в нашей жизни огромное количество, на все грабли наступаем. Клавиша самонадеянности, гордыни. Сколько страстей? Миллион – это всё клавиши.

Мало того, что клавиши надо тянуть, — их надо удерживать в состоянии правильного настроя, а камертон — Христос. Видите, какая сложная задача. Это не обычное пианино: натянули и забыли, и оно какое-то время играет, пока снова не расстроится. Человек должен постоянно внутри себя находиться, всё время следить за настройкой своего «внутреннего пианино». И когда он уже навыкнет это делать, вдруг он ощутит, что, несмотря на все свои хвори и беды, он обладает неистощимым ресурсом энергии. Немножко помолился, сходил на службу, постоял, причастился. Но он же причастился осмысленно. Он душу свою повёл в храм – для чего? Чтобы её подлечить, попарить в баньке, отмыть её от греха, чтобы она успокоилась, понежилась. Но это не значит, что он вышел из храма – и всё хорошо. Нет. Самые большие проблемы начинаются вне храма, где душа снова и снова подвергается нападениям. И человек должен понимать, что незримый мир существует. Современному какому-нибудь физику-ядерщику надо объяснять, и он поймёт, что, кроме бозонов Хиггса, кварков, квантов и так далее, существуют ещё незримые, мохнорылые духи злобы.

— *Александр Иванович, настолько я понял, чтобы возлюбить самого себя, надо позаботиться о своей душе. И тогда мы сможем так же возлюбить ближнего?*

— Если мы начинаем любить ближнего, не разобравшись со своей душой, то это другая любовь. Она называется святыми отцами кровяной, нервной, страстной любовью. Я тебя так люблю, что попробуй только меня брось или сделай не так, как я хочу, тогда ты узнаешь, как я тебя люблю!

Здесь мы говорим о другом. Когда душа выздоравливает, только тогда мы начинаем любить. По-настоящему любить может только здоровая душа. Тогда она всё прощает, долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится. Любовь не ищет своего... У апостола Павла об этом сказано подробно в гимне любви. В настоящей люби человек всегда себя чувствует недостойным любви. Он всё время задаёт вопрос: «За что он меня любит? Меня не за что любить. И как я должен быть ему благодарен за то, что он меня любит всё-таки».

Когда душа чистая, она себя достойной не считает. Отсюда возникает нормальное состояние смирения: человек по-настоящему видит, насколько он плох, а другой на его фоне — хорош. И это есть здоровое состояние, оно отражает реальное положение дел. Тогда человек опускается до уровня плинтуса, падать там не больно.

— *Потому что невысоко.*

— Низко. Он начинает себя трезво ощущать. И когда это происходит, он встречается с Господом. С Господом можно встретиться только «у плинтуса». Когда ты по-настоящему осознал себя никуда не годным, тогда ты в правде и встречаешься с Господом. По-другому Господь в твою душу не войдёт, потому что Он не принимает нас с фантазиями о себе, Ему это не интересно, Он видит нас насквозь. Только когда мы сами начинаем хоть немножко видеть, какие мы есть на самом деле, тогда Он приходит. И Он помогает нашей душе приводить себя в порядок. Святые Отцы говорят: «Бог спасает нас не без нас.»

С другой стороны, мы должны смиренно понимать, что свою душу мы: а) до конца не знаем; даже осознавая всё, о чём мы сейчас говорим. Иоанн Златоуст говорил: «Вот стар я уже, а до сих пор не знаю, что такое душа». А он один из трёх величайших учителей Церкви нашей.

Но что значит, не знаем? Мы не знаем душу в полноте. В полноте её по-настоящему видит и знает только Сам Господь. Но мы должны Его призвать. Отсюда возникает религия – связь. Отсюда возникает вера. Я уже понимаю, что никто меня не спасёт, особенно в этом мире, во зле лежащем, кроме Бога.

Бог приходит тогда, излечивает то, о чём я Его прошу, укрепляет душу, запускает этот генератор, и человек становится божьим. Мы так и просим Его: «Приди и вселись в нас и очисти нас от всякой скверны». Вот тогда-то человек по-настоящему начинает любить, во-первых, Бога, во-вторых – не себя в ком-то, а кого-то в себе.

— *И тогда «вокруг тебя спасутся тысячи»?*

— Ну, до этого уровня ещё дорасти надо. У каждого происходит своё. У одного таланты открываются, о которых он не подозревал. Иногда на старости лет человек узнаёт, что он вообще не тем всю жизнь занимался. И в этом ничего плохого нет. Но зато последние годы или десятилетия он проведёт в полноте, самореализуется, обретёт радость бытия. Царь Давид тоже прожил далеко не безгрешную жизнь, а умер, покаявшись, «исполненный днями».

— *«Насыщенный жизнью».*

— Насыщенный до предела. Почему? Насыщается жизнью не тело. Тело исполняет то, что ему велит душа. Кстати, Иов многострадальный тоже ушёл из этой жизни, «исполненный днями», хотя тело его очень много страдало.

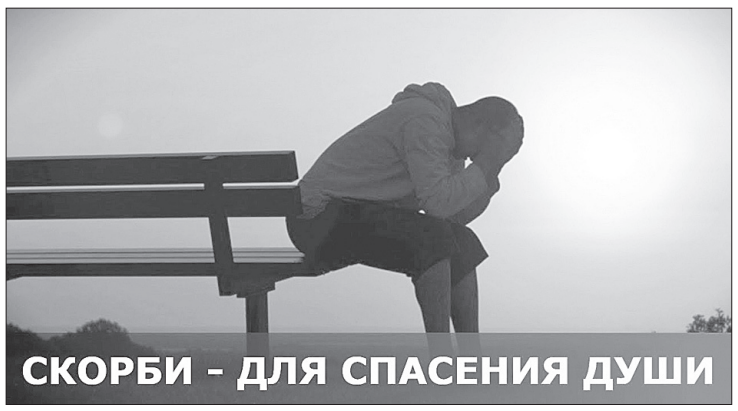
Итак, у человека божьего отрываются таланты. Открывается безсташие. Открывается смысл жизни: такое понимание, которое даже в самых тяжелейших болезнях, скорбях, трудностях и так далее даёт человеку радость. Он радуется как ребёнок. Эту радость невозможно никаким другим способом добыть. Ни наркотой, ни пьянкой, ни гулянкой. Даже никакими человеческими отношениями или деньгами. Это радость от общения с Богом. И сознание того, что ты можешь послужить Ему. Ну и, конечно, радость от общения с природой, которая по-другому воспринимается. И люди воспринимаются по-другому, и всё, всё, всё.

Вот к этому мы призваны. И если в каждом из нас это произойдёт, тогда и политическая, и общественная жизнь начнёт налаживаться.

— *Вокруг нас.*

— Конечно, но большинство из нас, наоборот, хотят, чтобы все вокруг были хорошими, а себя менять не надо. Вот и вся проблема: мы хотим изменить мир, не изменяя себя. На эти грабли наступали и коммунисты, и фашисты, и революционеры всех мастей – все, кто хотел построить Царство Небесное на земле без Бога. В итоге всё оборачивалось потоками крови. А единственный способ – хочешь изменить что-то к лучшему, изменись сам.

Господь говорит: «Без Мене не можете творити ничесоже». Натворить, нашкодить мы можем. А творить благо без Божьей помощи не способны.



— *Александр Иванович, вы можете не отвечать на этот вопрос, но он меня очень волнует. В последние годы я призывал вас лечиться у гениального врача Виталия Александровича Копылова, который избавил от «неизлечимых» болезней тысячи людей. А вы всегда отказывались. И здоровье ваше всё время слабело. Вы исхудали, сгорбились, ходите с трудом на больных ногах и почти ослепли. Читатели удивляются, почему в интернете исчезли ваши талантливые статьи, — а вы просто не можете их писать и компенсируете это устными выступлениями. Но я уверен, что сознательно или бессознательно вы отказывались реально лечить тело, чтобы получить пользу для души, а это важнее физического здоровья. Можете ли вы объяснить, в чём состоит эта польза?*

— Я скажу так: к болезни два отношения. Первое – это нервное, истерическое, отчаянное, когда человек, не зная Бога считает, что он превыше всего и недостоин болезни такой. Он отчаянно сопротивляется, начинает изводить себя и окружающих, приближая конец...

— *Просит, чтобы они нашли врачей, которые его вылечат.*

— Это абсолютно безполезное занятие и безсмысленное.

— *Для души?*

— Для всего.

— *Но врачи его подлечат.*

— Ну, они его подлечат, но всё равно придёт болезнь и смерть.

Второе отношение к болезни – то самое, когда здоровая душа воспринимает любую болезнь, во-первых, как нечто заслуженное ею по грехам, во-вторых, как нечто полезное ей же. Душе даётся возможность пострадать немножко на кресте, смирить себя немножко, приобщиться к Христовым страданиям, почувствовать себя не всемогущей, а той самой, «у плинтуса». И, в-третьих, это полезно, потому что, когда Господь что-то у человека забирает, Он обязательно что-то даёт. Вместо того, чтобы бить себя ушами по щекам в этот момент, надо просто успокоиться и понять, что Бог никогда не посылает страдания больше, чем может вынести человек, и вообще зла человеку не желает.

— *Душе его?*

— И душе и телу. Если даже Он что-то вроде болезни попускает, Он всегда делает это с какой-то внутренней целью, не всегда нам понятной. И эту цель желательно распознать. Если даже это не получается, то надо хотя бы благодарно принять.

Ну, например, человек стал плохо видеть, и вдруг он ощутил, что у него концентрируется ум, улучшается память. Что он раньше делал с трудом, начинает делать легче.

— *Что, например?*

— Мне, например, диктовать легче, чем писать. Я всегда с большим трудом писал. Мне всё не нравилось, и я зачёркивал, исправлял.

— *А теперь — красота: сконцентрировав ум, улучшив память, вы диктуете тексты, то есть занимаетесь любимым делом. Рассказчиком вы всегда были прекрасным – и ещё лучше стали. Можете ли вы благодарить Бога за то, что он попустил вам такую болезнь?*

— Я просто говорю о том, что это утешение не только мне, но и всем нам. Потому что, когда приходит такая болезнь, любая болезнь, можно найти в ней что-то утешительное. И второй момент очень важный: если мы занимается оздоровлением своей души, то у нас меньше риска получить хроническое заболевание. На порядок меньше риска. Ведь есть болезни куда страшнее слабого зрения.

— *Но если мы хроническое заболевание давно получили, то нам остаётся только оздоровлять душу этим недугом?*

— А что же ещё? Говорят, все болезни от нервов. Но это не совсем точно. Нервы – это телесные рецепторы души. И на самом деле, в конечном счёте, все болезни всё-таки от души, а ещё лучше сказать – от духа. Больная, неодухотворённая душа рано или поздно транслирует свои болезни в тело. А тело уже, в вою очередь, ещё более ухудшает состояние души. Она начинает терзаться, скулить, роптать, хулить иногда Бога, людей, медицину, здравоохранение, Путина, и так далее.

Но, успокоившись, можно с Божьей помощью использовать болезнь во благо для себя. Потому что смерть всё равно придёт – куда ты от неё денешься. Её можно встретить достойно, а можно встретить недостойно. Вот и вся разница.

Итак, можно болезнь пройти с высоко поднятой головой, с благодарностью Богу. Потому что Бог действительно тебе делает благо, но ты его не понимаешь. Или – пройти как собака побитая. Чтобы болеть достойно, надо заниматься душой. Нельзя оставлять её без присмотра.

Что же до моего «нежелания лечиться», то я всё-таки лечусь, но без фанатизма: делаю, что могу и что советуют врачи. Принцип такой: не посвящать остаток жизни борьбе с смертью. Есть куда более важные дела. Впрочем, во всём важны мера и рассудительность.

— *Вас иногда упрекают, что вы частенько «наезжаете» на интернет.*

— Да я не против интернета, пусть живёт. Но вот что происходит: наши дети в семь-восемь лет, а то и раньше, дотягиваясь до кнопок, влезают в интернет, обходят там какие-то барьеры, если они вообще есть, и натыкаются на грязь, которой там предостаточно, например, порнографию.

— *С чем это сравнить?*

— Это всё равно, что внешний человек – ребёнок — пошёл погулять, и мама с папой ему говорят: «Сыночек, если ты захочешь покушать, то видишь, зелёный бак стоит во дворе, залезь в эту помойку, поковыряйся и обязательно чего-нибудь найдёшь. А пить захочешь – из лужи попей.»

Такое допущение кажется диким: да вы что, это же гигиена – страшно подумать! А в интернете так и происходит, только не с телом, а с душой. То есть внутреннее тело ребёнка пошло гулять по интернету, натолкнулось на помойку (а там эти помойки где угодно, сколько хочешь) и начинает там ковыряться. И потребляет эту грязь информационную. А потом мы спрашиваем, почему ребёнок неуправляемый, сорвиголова и так далее. А когда мама отбирает у него компьютер, он берёт топор и рубит маму.

— *А папа недоумевает, почему это произошло.*

— Поэтому. Потому что недосмотр, не научили ребёнка. А детей надо учить тому, о чём мы сейчас говорим, то есть познанию тайн души с самого раннего детства, с того момента, когда интернет и другие соблазны века сего начинают его растлевать. Вот как его начинает растлевать мир сей, который ходит под миродержителем, князем тьмы, так и надо учить.

Этого, кстати, не было ещё тридцать лет назад: тогда общество охраняло детство. Дети охранялись социумом, не было таких безобразий как сейчас. Не было охраны в школах, не было наркотиков в подворотнях, не было этого интернета, по которому те же наркотики покупают. Не было такого разврата поголовного, когда уже чуть ли не с десяти лет начинают «этим» заниматься. Ничего этого не было.

Семья — это крест

— *А сейчас есть. Почему?*

— Потому что общество, водимое культурой греха, идеологией князя тьмы, полностью сняло все барьеры, все защитные фильтры, все охранные преграды незримые от детей. Дети беззащитны. Полностью. Никакая семья, никакие охранники, никакие заборы не защитят. Потому что эта зараза незримая, это как радиация — от неё забором не защитить. Это тоже незримая, только из области духовной.

— *Однажды я говорил с митрополитом Марком Западноевропейским, рассказал ему, как в России государство не препятствует растлению детей, и спросил, как защитить их от этой напасти. Митрополит ответил: «Укрепляйте семью, в ней будет защита от всего». А вы говорите: семья не защитит.*

— Но где взять крепкую семью, если у нас 290 разводов на 300 браков? И в уцелевших семьях нет понимания опасности, детей воспитывают не родители, а компьютеры и айфоны.

Крепкая семья – это следствие здоровой души. Если душа с Богом, в Боге и Бог уже ведёт её по этой жизни, то, конечно, Бог даст ей и здоровую семью. И она сможет эту семью воспринимать не как сексуальное приключение, а как тяжёлый, благородный труд, как ответственность, как обязанность, как долг и как радость одновременно. Потому что свадебный, тостовый период быстро проходит, и потом всё полезло: носки грязные, исподнее, памперсы... Человек должен изменять своё отношение к своему партнёру, к своей семье. Он должен принять на себя этот тяжкий крест. Семья – это крест!

А что сейчас? Семья – это случка, побегали там, хвосты позадирали и разбежались. А дети пускай растут как сорняки.

Дети — это же тоже наша общественная культура, это тоже наша духовная зрелость. И никаких иллюзий: невозможно создать крепкую семью с помощью каких-то законов, лозунгов, с помощью правоохранительных органов, с помощью участковых или каких-то там телепередач. Абсолютно ничего не будет.

Семья формируется в душе человека. Если в душе человека пустота, ничего ему не поможет. Здоровая семья начинается , когда хотя бы один из родителей воспринимает себя как образ и подобие Божье, а не как зверушку с мозгами и инстинктами. Вот к этому рубежу нас как слепых щенков Господь всё время тыкает носом. Поймите, поймите, не увлекайтесь какими-то общественными концепциями – себя переустройте, и дальше всё устроится.

Господь говорит: «Царство Божие внутрь вас есть». Внутри вас оно. Это Царство «нудится, и нуждницы (то есть работающие над собой) обретают его». «Ищите же прежде Царства Божия и правды его». Какой правды? Правды о самом себе, и о Боге, и о мире. «И это всё приложится вам». Что приложится? Что пить, что есть, что одевать, как создать крепкую семью, как найти хорошую работу, как правильно прожить...

Ну что ещё надо объяснять? Что ещё непонятно человеку двадцать первого века?

Беседу вёл
Михаил Алексеевич ДМИТРУК

ОЗДОРОВЛЕНИЕ

ПРАВО НА БОЛЕЗНЬ

(Окончание. Начало на стр. 1)

Слава Богу, что доктора Копылова не залечили до смерти. Но из очередной больницы он вернулся тяжёлым инвалидом. Через полтора года после инсульта (когда писались эти строки) его возили на инвалидной коляске, он мог ходить только с посторонней помощью и очень нечленораздельно говорил.

Знакомые упрекают Виталия Александровича, что перед болезнью он слишком много работал и мало восстанавливал силы. Мол, от хронического перенапряжения доктор получил инсульт, тем самым скомпрометировав разработанные им метод ВБВ и концепцию напряжения... А я понимаю его и ни в коей мере не осуждаю. Когда государство не поддержало спасительный метод, который при широком внедрении мог бы избавить от болезней миллионы людей без лекарств и операций, когда доктор понял звериную сущность этого государства, уничтожающего собственный народ, он не впал в отчаяние, а отдал все силы делу, которое мог завершить самостоятельно, — написанию книги. И, слава Богу, успел это сделать. Это был его последний научный подвиг – подвиг любви к людям. Ради них он пожертвовал здоровьем и отдал бы жизнь, если бы на то была воля Божья.

Доктор Копылов

Родные сообщают, что Виталий Александрович «выкарабкивается», но очень медленно. Он уже может немного ходить с палочкой и лечит методом ВБВ свою сиделку. И я желаю ему «болеть правильно», то есть лечиться болью без лекарств, что будет залогом окончательной победы над недугом. Желаю доктору возвратиться в строй и снова лечить своих любимых пациентов.

Я призываю наших читателей молиться об исцелении раба Божьего Виталия – истинного сына нашей Матери-Церкви. И начинаю публиковать главы из его потрясающей книги «В. А. Копылов. Здоровье и жизнь. Терапия без лекарств.» (Петровская академия наук и искусств. Золотое наследие России. Серия 8. Великие имена в науке. Том VII. – Санкт-Петербург, 2017). В ней собраны его статьи, написанные в разные годы, начиная с прошлого тысячелетия. Они не только не устарели, но стали ещё более актуальными. Некоторые из них оказались и пророческими.

Книга вышла мизерным тиражом – 500 экземпляров. Но, Бог даст, найдутся благотворители, которые оплатят переиздание книги.

Михаил Алексеевич ДМИТРУК,
главный редактор газеты «Дари Добро»

КАМО ГРЯДЕШИ

Светлой памяти незабвенного Владыки нашего митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского ИОАННА автор, удостоившийся его благословения, посвящает эту статью.

За последние десятилетия духовные пастыри, учёные, врачи устали предостерегать, а человечество устало пугаться того поистине апокалиптического потока бед и напастей, который посылается сошедшему с ума человечеству, чтобы заставить задуматься, остановить или хотя бы замедлить его стремительный бег к самоуничтожению: всё более прогрессирующий рак, СПИД, вирус Эбола, глобальные катастрофы, невиданный размах террора.

Меньше всего хочу усугублять эту и без того мрачную картину, тем более пугать, но считаю нужным коснуться проблемы, которой целенаправленно занимаюсь вот уже более 10 лет (эта статья доктора Копылова была впервые опубликована в 1995 году в газете «Земля Русская», № 6-7) и которая, по моим представлениям, становится всё более грозной и актуальной. Я имею в виду стремительно увеличивающийся процент детей, рождающихся с так называемой детской родовой травмой, и детей, страдающих детским церебральным параличом (ДЦП), часто следующим за родовой травмой. По существующим представлениям ДЦП развивается вследствие поражений головного мозга — внутриутробно, при родах, а также в период новорожденности. Возникновение этой патологии связывают, главным образом, с неблагополучным внутриутробным развитием либо с неудачными родами (асфиксией, механическими родовыми травмами), большую роль в этом процессе отводят и внутриутробным инфекциям.

Клинические проявления ДЦП самые разнообразные. В некоторых случаях дети просто лежат пластом; в других — не могут стоять, или могут, но плохо ходят, а при этом нормально работают руками, не отстают в психическом развитии и даже хорошо учатся; в других — ребёнок ходит, бегает, прыгает, но слабо работает руками, отстает в умственном развитии, плохо говорит. Нередки гиперкинетические формы проявления ДЦП: рук, ног, шейного, плечевого отделов, лицевых мышц; слюнотечение, энурез. И это далеко не полное описание клиники ДЦП.

ДЦП

В подавляющем большинстве диагнозу ДЦП предшествует так называемая, подчеркиваю, так называемая родовая травма, по существу превратившаяся в наше (да и не только в наше) национальное бедствие. За последние два десятилетия рождаемость таких детей возросла более чем на порядок. Так, в 1993 году рождаемость с детской родовой травмой, например, в городе Тольятти, где я систематически работаю по договору уже около пяти лет, превысила 90%.

Говоря простым языком, дети рождаются практически нежизнеспособными или с ограниченной жизнеспособностью. Рентгенограммы шейного отдела позвоночника при этом показывают то или иное отклонение какого-либо позвонка от нормального положения, а гемодинамические исследования выявляют диспропорцию в кровообращении отделов головного мозга. Именно эти факторы и являются главными в постановке диагноза «родовая травма».

Хочу подчеркнуть, что, в отличие от приобретенных патологий, здесь маленький человек уже появляется на свет ограниченно жизнеспособным и почти всегда неспособным в дальнейшем к воспроизведению нормального потомства. (Это к вопросу о будущем России, который так любят у нас сейчас муссировать, часто весьма безответственно, на самых разных уровнях.) Совершенно естественно, что будущее страны, народа — это, прежде всего, будущие люди, составляющие нацию. О каком же будущем может идти речь, если уже сейчас 90% этих людей рождается с существенными отклонениями от нормы?

Бедные дети

Итак, родовая травма — она: результат неудачно протекающих родов (стремительных или слишком затяжных), неумелого действия акушеров, инфекции, плохой организации роддомов? Эту беду склонны объяснять всем на свете и винить всех и вся: действительно оставляющими желать лучшего роддомами, акушерами, состоянием экологии, водой, воздухом, колбасой... Виноваты кто угодно, только не мы сами. В России, выходит, совсем разучились принимать роды. А ведь до революции наша страна была ведущей в мире по родовспоможению, и русских акушеров приглашали самые высокопоставленные фамилии разных стран. Некоторые же социальные слои — крестьяне, например — вообще не пользовались услугами акушеров, рожали на дому, а то и в поле, с помощью простой бабки-повитухи, но о родовой травме и не слыхивали, рождение такого ребёнка даже при тяжёлой, бедной жизни было редкостью.

Так что же, улучшим условия жизни, наладим работу роддомов, повысим квалификацию акушеров — и родовой травмы не будет? Думается, любому честному и здравомыслящему человеку сейчас уже ясно, что в основе неблагополучия с нашим поколением повинны мы сами — наше духовное, физическое и психоэмоциональное состояние. Неблагополучие с нашим нарождающимся поколением — это отражение патологического состояния нашего общества. Когда мама приносит ко мне на лечение ребёнка с родовой травмой или ДЦП и с обидой заявляет: «Вот что мне сделали в роддоме!» — потому что нам очень не хочется думать о степени своей собственной ответственности, — то, поверьте, в большинстве случаев она не права.

Нельзя — нет, мы не имеем права снимать вину с себя. Народ, нация — это единый духовно-физиологический организм, где каждый из нас — его клеточка, и его боли, беды и болезни — это боли, беды и болезни каждого из нас. Это не слова, увы, а совершенно чёткая реальность. И пока мы не поймём этого и не примем, беды наши не уйдут.

В процессе лечения приходится долго и терпеливо объяснять маме, что эта «родовая травма» (то самое смещение позвонка в шейном отделе, показанное ей на рентгенограмме) зачастую уже «наработана», «запрограммирована» до зачатия и необязательно она или её муж «виноваты» в этом, а часто могут быть «повинны» бабушки, дедушки, прабабушки и так в любом колене, вплоть до седьмого, как учит нас Библия. Непосредственно же вина родителей, если можно говорить о вине в таких случаях, в том, что они не отработали ошибок, слабостей и грехов своих предков, и теперь в процессе нашей терапии и своей жизни их ребёнок будет «отрабатывать» то, что не «отработали» они сами, а если не «отработает» ребёнок, то будут «отрабатывать» внуки и так далее.

Нечасто на протяжении моей достаточно длительной практики я находил понимание проблемы в смысле принятия определенной ответственности на себя, понимание своей вины, своих грехов — как персонально, так и «коллективной» вины и грехов нации, нашего народа в целом. Грехов бездуховности, безбожия, отсутствия любви, а зачастую простой доброжелательности и сострадания к ближнему, невенчанных (союз без Божьего благословения) браков, абортов, нарушений постов, пьянства, обжорства — словом, всего того, что и составляет истинную беду нашего общества, в чём верующие каются на исповеди, и что каждый из нас, искренне призадумавшись, найдёт в себе.

Крещение ребёнка — залог здоровья души и тела

Говоря образно, так называемая родовая травма — это физическое выражение нашего духовного уродства и деградации, которые не так очевидно бросаются в глаза на духовном уровне, как откровенно физическое уродство, которое просто невозможно не заметить. Всегда вначале заболевает душа и лишь потом тело. Господь Бог, посылая эту напасть, как бы говорит нам: «Имеете уши и не хотите слышать, имеете глаза, но не хотите видеть своего духовного уродства, деградации. Смотрите же тогда на то, что рождается, этого просто нельзя не увидеть. Покайтесь. Опомнитесь, пока ещё возможно».

Как уже говорилось, проблема ДЦП и родовой травмы — проблема не только российская. Во всём мире она принимает всё более угрожающий характер. У нас же становится сверхактуальной. Характерно, что беда эта одинаково посещает самые разные слои нашего общества, независимо от социального, культурного, интеллектуального уровня и благосостояния. У благополучных, обеспеченных и сейчас уже, скажем прямо, богатых родителей неблагополучных детей рождается ничуть не меньше (у внука Президента, к примеру — врожденные серьёзные отклонения в сердечнососудистой системе). Значит, дело не только в хорошем «сбалансированном» питании, в здоровом полноценном отдыхе, возможности заниматься собой, комфорте и так далее, отсутствием чего часто склонны объяснять затронутую проблему, а в чём-то

ОЗДОРОВЛЕНИЕ

гораздо более общем и важном для всех нас, людей. Более того, полный нонсенс: в случае необходимости проведения «кесарева сечения», ребёнка буквально вынимают из чрева матери. И что же? Мы находим у него те же отклонения от нормы, и ставится тот же диагноз: родовая травма. Абсурд?

Доходит до того, что многие женщины просто боятся рожать в роддомах, ищут особо опытных и внимательных акушеров, рожают на дому, в воде, где угодно — опять-таки до абсурда, но статистика показывает, что, как ни парадоксально, процент все тех же «родовых травм» остаётся приблизительно на том же уровне, при этом увеличивается процент послеродовых патологий у матерей, не прошедших зачастую нормальный родовой процесс. Так что же это?

Я высказываю исключительно свой взгляд на затронутую проблему и никому его не навязываю, но, пролечив более 1500 детей с родовыми травмами разной степени тяжести и ДЦП, пришёл к совершенно определённому выводу о духовно-нравственной (прежде всего) подоплеке этой проблемы.

Хочу отметить, что, систематически работая с данной патологией последние пять лет, заметил в этом процессе одну закономерность-исключение. Это — верующие, венчанные (или, если не христиане, то прошедшие соответствующий религиозный обряд освящения брака), регулярно посещающие Храм и усердно молящиеся о будущем ребёнке супруги. Здесь, на фоне иногда более чем проблемных со здоровьем родителей и весьма, в прогнозе, проблемным ребёнком, рождается, как правило, совершенно полноценный и гармоничный (это наш условный рабочий термин, в смысле биоэнергетического равновесия) младенец.

Итак, по-моему, ускоряющийся процесс деградации, который мы наблюдаем в последние десятилетия, выраженный в рождении нежизнеспособных или увечных маленьких людей, является физическим или материализованным, если хотите, выражением того духовного процесса деградации, которым поражено наше общество и который можно и «не заметить» на духовном уровне, но невозможно не увидеть в физическом его проявлении.

Существуют ли способы, так сказать, «профилактики» и борьбы с этой бедой? Что касается «духовной профилактики», то, надеюсь, я достаточно ясно выразил свое понимание вопроса. Что же касается существующих сейчас наиболее распространенных медицинских способов, то дородовая профилактика рекомендует правильное питание, нормальный отдых, определённую гигиену будущей матери и так далее, что, как я уже сказал, часто не приводит к требуемым результатам.

Период появления на свет неблагополучного младенца и лечение его — что мы имеем здесь? В подавляющем большинстве в борьбе с этой напастью предлагается интенсивный медикаментозный путь: церебрализин, фенобарбитал, гормоны, аминокислоты и целый ряд других мощных препаратов, которые, если и дают некоторый первоначальный эффект, то только в течение проведения курса. При отмене препаратов достигнутое, если оно имеется, не сохраняется, а появляющаяся часто лекарственная зависимость усугубляет и без того неблагоприятное состояние организма, зачастую развивает судорожную готовность, способствует возникновению аллергических реакций и так далее, а главное — ведёт к дальнейшей деградации и без того недостаточной функции. Этот путь я считаю принципиально неверным и, безусловно, вредным.

С моих позиций, такие тяжёлые проявления ДЦП, как спастические, судорожные, гиперкинетические симптомы являются следствием серьёзной недостаточности определённых функций организма и направлены они, путём создания напряжения или даже сверхнапряжения (эпилептический синдром), именно на усиление или хотя бы поддержание на том же уровне этих функций, поэтому воздействовать на центральную нервную систему в смысле ослабления или уничтожения данных симптомов нелепо, так как это ведёт к ещё большему ослаблению и без того недостаточных функций.

Природа перечисленных наиболее характерных проявлений ДЦП — в понижении общего биоэнергетического потенциала организма с одной стороны и биоэнергетической его разбалансированности с другой, то есть основа патологического процесса — биоэнергетический дефицит, и решение проблемы достигается только при условии собственных наработок организма за счёт напряжения своими силами, а не «помощи» извне.

Работая с таким больным методом внешнего болевого воздействия и напряжения (ВБВ), посредством локального дозированного болевого воздействия, мы задаём организму определённые «программы» напряжений на спазмируемые зоны и добиваемся тем самым усиления, а затем и восстановления функций, что приводит к снижению спастики вплоть до полного её исчезновения.

Уже непосредственно в лечебном процессе была создана система диагностики биоэнергетического разбалансирования организма, с помощью которой мы тщательно отработали конкретные методики лечения самых разнообразных форм ДЦП и родовой травмы и значительно повысили эффективность помощи больным. В основе этой диагностики и нашей терапии в целом лежит представление о наличии в организме дисбаланса между левым и правым энергетическими потоками, проходящими вдоль позвоночника человека, каждый из которых «курирует» совершенно определенные органы и системы. Именно такое понимание природы данной патологии (и любого патологического процесса вообще) подтверждается убедительными непосредственными и отдалёнными результатами нашего лечения.

В рамках данной статьи не буду подробно останавливаться на теоретических и концептуальных подходах (ранее мне уже случалось писать об этом), хочу лишь отметить, что в ходе научных апробаций в клиниках Москвы, Санкт-Петербурга, Тольятти, Томска и достаточно обширной практики мною была выявлена и доказана **способность человеческого организма восстанавливать и повышать функциональные возможности своих органов и систем в ответ на локальное дозированное болевое воздействие,** что и легло в основу «концепции напряжения» и как частности её — лечебного немедикаментозного метода ВБВ.

Подытоживая сказанное, очевидно, следует ответить на закономерный вопрос: есть ли, по моему мнению, надежда на принципиальное решение этой проблемы? Хочу думать, что достаточно ясно выразил свою мысль в том плане, что полностью эта проблема может быть решена только на базе духовного оздоровления нашего общества, без чего никакие медицинские, этические, политические и прочие проблемы вообще решены быть не могут. Что касается лечения, то меньше всего мне хотелось бы подавать ложные надежды. Это безответственно и просто преступно. Вокруг ДЦП и родовой травмы и так много шума. И всё-таки достаточно убедительные непосредственные и отдалённые результаты пролечивания уже тысяч подобных детей методом ВБВ дают надежду на то, что нами найдены определённо новые и эффективные пути борьбы с этой бедой.

КОПЫЛОВ В.А.

Питер Брейгель Старший. Притча о слепых

Предлагаем читателям для профилактики и лечения многих болезней уникальную разработку российских учёных. Масло Жизни «Витазар» является концентратом полезных веществ, содержащихся в зерне, а точнее в его наиболее ценной части – зародыше.

Создана щадящая технология переработки зародышей пшеницы без использования сторонних составляющих, что позволяет сохранить весь комплекс уникальных природных компонентов зародыша, самой природой заложенных в зерне для продолжения жизни растения.

Технология производства масла из зародышей пшеницы «Витазар» основана на теоретических разработках профессора Александра Борисовича Вишнякова и защищена патентом Российской Федерации № 2163922.

Масло зародышей пшеницы содержит свыше 75% триглицеридов различных жирных кислот, до 6% свободных жирных кислот и до 4% гликолипидов и фосфолипидов. Содержание полиненасыщенных жирных кислот (витамин F) свыше 70%, при этом **соотношение линолевой (Омега-6) и линоленовой (Омега-3) кислот 3:1, что является самым оптимальным для липидного обмена в организме человека.**

В данном масле большое количество витаминов, как водорастворимых (витамины В1, В2, В6, Д, РР, пантотеновая и фолиевая кислоты), так и жирорастворимых (витамины Е и А). **Масло зародышей пшеницы содержит максимальное количество витамина Е из всех известных природных источников – свыше 400 мг в 100 г масла, при этом в нём преобладает наиболее активная форма витамина Е – альфа — токоферол (около 70%).**

При регулярном употреблении это масло оказывает общеукрепляющее и тонизирующее действие, **повышает работоспособность и сопротивляемость к различным инфекционным заболеваниям, способствует**

МАСЛО ЖИЗНИ «ВИТАЗАР»

торможению старения организма. Масло зародышей пшеницы нормализует функции эндокринных желез, обмен веществ, способствует улучшению процессов пищеварения (регулируют микрофлору, устраняют изжогу), может быть использовано при лечении язвы желудка, чему свидетельствуют исследования, проведённые в Центральном научно-исследовательском институте гастроэнтерологии, является **эффективным средством регулирования холестерина в крови и печени, в связи с чем замедляется развитие атеросклероза и связанных с ним сердечно-сосудистых заболеваний.** Кроме того масло способствует выведению из организма шлаков и радионуклидов, уменьшает риск развития онкологических заболеваний.

Учёные отмечают, что при **регулярном употреблении масла зародышей пшеницы стимулируется половая функция, повышаются детородные способности, снижается угроза выкидыша, увеличивается лактация.** Важным свойством масла зародышей пшеницы является его уникальная способность поддерживать процессы заживления и регенерации клеток кожи. Исследования представляемого масла, как средства местного лечения ожоговых ран, проводились в Московском городском ожоговом центре под руководством д.м.н., профессора Ларисы Ивановны Герасимовой, а также на кафедре Травматологии, ортопедии и экстремальной медицины Новосибирского Государственного Медицинского Университета, под руководством д.м.н., профессора Колосова Н.Г. Полученные результаты свидетельствуют о **высокой эффективности применения данного масла при лечении ожогов, ускорении репаративной регенерации в ранах в среднем в 2,5 раза,** усилении краевой эпителизации, и, по мнению специалистов, масло зародышей пшеницы может быть рекомендовано для применения не только в специализированных отделениях, но и в поликлинической сети. **Применение масла при массаже позволяет уменьшить боли при ревматизме, хондрозах, артритах и ушибах.**

Клиническая апробация масла зародышей пшеницы в программах эндоэкологической реабилитации, проведенная в Новосибирском Государственном Медицинском Университете под руководством д.м.н., профессора, руководителя курса клинической нутрициологии Любови Анатольевны Шпагиной показала: употребление масла зародышей пшеницы является патогенетически обоснованным методом эндоэкологической реабилитации.

В динамике 20-дневной терапии комплексом растительных антиоксидантов, эссенциальных микроэлементов и фосфолипидов, содержащихся в масле, наблюдается улучшение показателей гемограммы обмена железа и белковосинтетической функции печени у больных хроническими интоксикациями и лиц, длительно подвергающихся воздействию органических растворителей.

Представленный комплекс достоверно повышает антиоксидантную защиту.

Выявлен существенный иммуномодулирующий эффект масла.

Его применение является безопасным способом детоксикации. Предпочтительным является добавление масла в растительные продукты питания.

Показания к использованию масла зародышей пшеницы могут быть расширены для лиц, проживающих в экологически неблагоприятных зонах и работающих на предприятиях химического профиля с целью профилактических курсов эндоэкологической реабилитации.

Данные, полученные в ходе исследования, проведенного в Научно-исследовательском институте клинической иммунологии под руководством д.м.н., профессора Ширинского В.С, свидетельствуют, что применение масла зародышей пшеницы в качестве дополнения к агрессивной антибактериальной терапии препятствует сдвигам показателей состояния системы иммунитета, т.е. **масло зародышей пшеницы «Витазар» обладает выраженным иммунопротекторным эффектом. Масло обладает коррегирующим действием при нарушениях микроэлементного статуса крови, препятствуя возникновению дефицита эссенциальных микроэлементов, что позволяет рекомендовать его к применению в качестве естественного антиоксиданта и дополнительного иммунопротективного средства.**

Весь комплекс медицинских исследований, проведённых на базе Новосибирского Государственного Медицинского Университета, позволил сделать следующее, оформленное и утверждённое в установленном порядке, заключение:

результаты исследований свидетельствуют о высокой клинической эффективности Масла зародышей пшеницы.

Масло зародышей пшеницы «Витазар» обладает антиоксидантными, цитопротекторными, противовоспалительными, иммуномодулирующими, регенерирующими и репродуктивными свойствами, что позволяет использовать его в пренатальной и постнатальной практике а также в различных геронтологических и медицинских программах реабилитации с профилактическими и лечебными целями.

Результаты исследований оформлены в отчёты, информационные письма, методические рекомендации, методические руководства и монографии.

Как принимать «Масло Жизни «Витазар»

Для профилактики заболеваний, укрепления иммунитета и в лечебных целях в составе комплексной терапии различных заболеваний масло, полученное из зародышей пшеницы, принимают **по 1-2 чайной ложки в день,** желательно утром, за полчаса до приёма пищи или во время еды. Курс длится 1-2 месяца. Можно употреблять масло в чистом виде, особенно людям, страдающим запорами, также можно добавлять масло в различные блюда, но не подвергая тепловой обработке.

Производит «Масло Жизни «Витазар» Научно-производственная компания НПО ООО «Пулат» (ген. директор Пелецкий Николай Григорьевич). Компания входит в **Кооперацию православных фермерских хозяйств и производств «Русская Аляска».**

Приобрести «Масло Жизни» и другие фермерские продукты для здоровья можно в Столе заказов Кооперации и Клубе православных производителей «Русская Аляска» по адресу:

Москва, ул. Берзарина, д.16, 1-й этаж, подъезд «Генезис» (7 мин. ходьбы от м. Октябрьское поле). Время работы: с 8 00 до 20 00 без выходных.

email 9681250@gmail.com
+7 903 9681250
заказать с доставкой можно на сайте:
vitazaroil.ru

Кооперация «Русская Аляска» приглашает распространителей «Масла Жизни» и других полезных натуральных продуктов.

С уважением,
Николай Григорьевич ПЕЛЕЦКИЙ

ОЗДОРОВЛЕНИЕ

ПОБЛАГОДАРИМ ЗЕМЛЮ-МАТУШКУ

Милый моему сердцу Дед Борис (так он представляется). Более полувека живёт с болезнью Бехтерева, хотя в самом начале врачи говорили его жене, чтобы она готовилась к худшему: мол, протянет два-три года, максимум – промучается десять лет, как парализованный писатель Николай Островский. Понимая, что ему угрожает, Борис, наряду с прописанным врачами физиотерапевтическим и курортным лечением, решил заняться самооздоровлением. В результате он уже в пять раз превысил отпущенный врачами максимум и не мучился все эти годы, а вёл достаточно полноценную жизнь, плодотворно работая в науке и занимаясь самообразованием. Борис испытал на себе многие методы народной медицины и разработки гениальных врачей.

Так, он познакомился с ароматерапией — эффективным, щадящим и доступным методом оздоровления. Проверив на себе её благотворное воздействие, Дед Борис решил дарить свой опыт людям. Вот уже несколько лет он совершенно бескорыстно проводит сеансы ароматерапии в одной из московских бань, которые пользуются большой популярностью у завсегдатаев.

Как радостно Дед Борис готовится к своей «тройной», смачивая чистые тряпицы каплями ароматных масел. Как вдохновенно проводит эти три сеанса, медленно передвигаясь по верхнему этажу парной между рядами своих поклонников, размахивая благоуханными тряпицами и проговаривая добрые, мудрые и утешительные слова об оздоровлении энергиями Земли-Матушки, которые передаются ароматами целебных растений.

Дед Борис не пренебрёг огромным опытом древней науки ароматерапии, который накапливался тысячелетиями со времён язычества. Он с благодарностью взял из него наиболее ценное и легко применимое в условиях наших бань. И мы, православные, наверное, не должны отказываться от ценного опыта предков, который заложенн в нашей генетической памяти и ждёт оживления простыми методами, которые пропагандирует Дед Борис.

Но ему уже 79 лет, и годы дают своё знать. Дед Борис стал ходить по бане с палочкой и каждый раз радуется, что после «тройной» не упал. Рано или поздно он не сможет дарить людям здоровье в нашей парной. И поэтому заблаговременно изложил свой опыт письменно в виде инструкции для возможных последователей.

Я с благодарностью публикую этот труд «Деда Бориса» и молю Бога, чтобы появились достойные продолжатели его оздоровительной работы в банях России.

Михаил Алексеевич ДМИТРУК

АРОМАТЕРАПИЯ В БАНЕ

1. Подготовка парной

Парная для ароматерапии должна быть подметена, проветрена и комфортно нагрета. Время одного сеанса тройной ароматерапии — 5-7 минут. Этот период люди в парной должны проводить без стресса от сильного нагрева. Это очень важно, так как ароматерапия в стрессовых условиях теряет свою эффективность. Чтобы обеспечить комфортные условия, на время ароматерапии желательно оставлять форточку в парной слегка приоткрытой.

2. Начало процедуры и общая схема

Суть ароматерапии в том, что ароматы насыщают наше тело энергией Земли-Матушки, восстанавливая наши жизненные силы. Правильно подобранные ароматы работают помимо сознания, оздоравливая наш организм. Но если мы подключаем и сознание к этой работе, то воздействие значительно усиливается. Поэтому в начале процедуры, после приветствия, всегда задаётся вопрос: «Уважаемые, оздоравливаться будем?» — и после получения положительного ответа: «Напоминаю, что эффективность процедуры зависит от вашего сознательного участия в ней, поэтому сосредотачивайтесь на внутренних ощущениях и действии аромата на ваш организм».

Далее 1,5-2 минуты даём первый аромат, потом 1,5-2 минуты второй и 1,5-2 минуты третий. Попутно можно разъяснять особенности влияния каждого аромата на организм человека.

Ароматерапия

Следует иметь в виду, что ароматы, являясь антисептиками, оздоравливают воздух в парной. Поэтому во время процедуры допускаются покашливания и чихания, похлопывания по телу, растирания — помогайте ароматам оздоравливать вас.

Посторонние разговоры крайне нежелательны, поскольку мешают тем, кто «погружается в себя».

Заканчивая процедуру, следует поблагодарить Землю-Матушку, которая заботится о нашем здоровье и дарит нам для оздоровления такие чудесные ароматы.

Используя образный язык восточной медицины, можно сказать, что ароматерапия наполняет нас энергией Земли (ароматы) и энергией Огня (жар в парной). Эти энергии балансируются энергией Воды и энергией Ветра или движения (парение с веником). Выйдя из парной, мы ныряем в бассейн или обливаемся прохладной водой, а затем идём в парную и обрабатываем веником проблемные зоны тела. После чего отдыхаем, стараясь на какое-то время сохранить «погружение в себя», воздерживаясь от пустых разговоров.

Таким образом баня позволяет нам *пополнить* и *гармонизировать* запас четырёх основных энергий Творения: Земли, Воды, Огня и Ветра, недаром говорят, что «русская баня все хвори правит».

Сеансы ароматерапии можно проводить один за другим, устраивая между ними паузы в 10-15 минут, либо чередовать их с обычными заходами в парную, в которых вывешиваются травы на стенах или поддаются ароматы через печку.

Если нам удаётся гармонично наполнять тело благотворными энергиями, то мы будем ощущать внутренний прилив радости и здоровья. Причём эти ощущения сохраняются и на следующий день.

3. Первая тройная — запускаем процессы оздоровления

Первый аромат — **полынь горькая,** Artemisia absinthium.

Слово artemisia переводится как «здоровье», так что, вдыхая горьковато-свежий камфорный аромат полыни, мы вдыхаем здоровье. Полынь восстанавливает жизненную энергию, открывает и очищает каналы системы кровообращения и нервной системы, «сжигает» негативные эмоции, снимает раздражительность, нервное и мускульное напряжение, повышает концентрацию внимания, активизирует память.

Для первого аромата лучше всего использовать пучок полыни, правильно высушенной и сохранённой. Ходим вдоль скамеек и размахиваем полынью, чтобы ароматом мог наслаждаться каждый. При этом рассказываем об оздоравливающих свойствах полыни.

Для усиления аромата можно предварительно накапать по длине пучка 5-6 капель аромамасла полыни. А можно проводить процедуру только с аромамаслом. Как это делать, смотри в разделе «6. Подготовка ароматов».

Второй аромат — **розмарин**. В древней Франции розмарин считался панацеей от всех болезней. Розмарин устраняет воспалительные процессы в организме, улучшает работу сердца и кровообращение, улучшает мозговое кровообращение, чистит стенки сосудов, нормализует холестерин и давление, облегчает боли в суставах, артриты, ревматические боли, оздоравливает связки и сухожилия, налаживает пищеварение, оздоравливает печень, устраняет респираторные заболевания, оздоравливает и омолаживает кожу, улучшает память и концентрацию внимания. Процедуру проводим, перемещаясь вдоль скамеек и размахивая салфеткой с аромамаслом.

Третий аромат — **шалфей мускатный:** аромат мудрости, продуманных решений и смелых поступков. Обратите внимание, *шалфей желательно именно мускатный*. Он обладает особым свойством очищать ум от эмоциональных нагромождений, вызывать состояние покоя и ясности, уменьшать чрезмерные желания и страсти, оздоравливает мочевыводящую систему, тонизирует почки, чистит кровь. Полезен при простудах, гриппе, болях в горле, снимает стресс и переутомление.

После первой тройной принимаем водные процедуры, паримся с веником и отдыхаем.

4. Вторая тройная — продолжаем оздоровление

Первый аромат — **лаванда настоящая**: способствует достижению внутренней гармонии и баланса, успокаивает, расслабляет, снимает напряжения, помогает при бессоннице, восстанавливает силы, устраняет перепады настроения, облегчает мигрени и головные боли, головокружения, гипертонию и расстройства кровообращения, улучшает иммунную систему, устраняет расстройства пищеварения, желудочные боли, лечит расстройства дыхательной системы, бронхит, катар, кашель, облегчает цистит и трудности с мочеиспусканием, оздоравливает кожу, помогает при экземе, псориазе и чесотке.

Второй аромат — **мята перечная**: запах обновления и восстановления жизненных сил, снимает нервное возбуждение. Римляне употребляли её как вспомогательное средство для пищеварения. Мята оздоравливает наш кишечник и восстанавливает иммунитет, способствует хорошему настроению. Помните, что наш иммунитет на 80% зависит от состояния пищеварительной системы. Мята может быть в виде пучка сушёной травы, но лучше всего разбрызгивать отвар на тело из распылителя (предупредив о том, что надо закрыть глаза), а потом растереть её, что весьма полезно для кожи (как приготовить раствор – смотри п.6).

Русская баня

Третий аромат — **иланг-иланг**: аромат, устраняющий депрессию, восстанавливает силу нервной системы и активирует кровообращение, улучшает память и иммунную систему, восстанавливает аппетит. Энергия аромата помогает при артритах, урологических инфекциях, астме, простудах и кашле, чистит кожу и заживляет раны и болячки, облегчает чесотку. Этот чудесный и исцеляющий аромат дарит нам дерево из тропической Азии. Наслаждайтесь, господа!

После второй тройной принимаем водные процедуры, паримся с веником и отдыхаем.

5. Третья тройная — привет от трёх континентов

Этой тройной мы заканчиваем оздоровление ароматами.

Первый аромат — **кедр атласский**: символизирует плодородие и изобилие. Ароматом кедра атласского вас приветствует Африка. Это аромат, стимулирующий и балансирующий важные системы организма: лимфатическую, кровеносную и мочеполовую. Аромат кедра атласского устраняет застои лимфы, чистит кровь, помогает при гриппе и простуде, облегчает артриты и подагру, оздоравливает почки, мочевыводящий тракт и кожу, ибо является сильным антисептиком. Аромат кедра атласского устраняет бессонницу. Наслаждайтесь, господа, энергией Земли-Матушки!

Второй аромат — **эвкалипт**: символизирует силу и свободу.

Ароматом эвкалипта вас приветствует Австралия. Согревающий аромат эвкалипта наполняет энергией наши нервы и устраняет спазмы. Как мощный целитель, энергия аромата эвкалипта отыскивает телесные проблемы и устраняет их: растяжения связок и сухожилий, различные инфекции и герпес — оздоравливает наши лёгкие, облегчает головные боли и ревматические состояния, тугоподвижность суставов. Аромат эвкалипта наполняет силой наше тело, обеспечивая свободу и естественность в движениях. Наслаждайтесь, господа, ароматом эвкалипта и благодарите Землю-Матушку за её энергию!

Третий аромат — **пихта**: символизирует выносливость и стойкость.

Ароматом пихты вас приветствует Азия и Русь-матушка. Энергия аромата пихты тонизирует, повышает выносливость и жизненную активность, снимает стресс и усталость, позволяет обрести душевное равновесие. Аромат пихты очищает и разглаживает кожу, повышает её защитные функции, устраняет запах пота, являясь отличным естественным дезодорантом.

Заканчивая оздоровление ароматами, поблагодарим, господа, Землю-Матушку за её энергии, которые она заготовила для поправки нашего здоровья!

После третьей тройной принимаем водные процедуры, паримся с веником и отдыхаем.

6. Подготовка ароматов и особенности выполнения процедур

Прежде всего, отметим, что для ароматерапии в бане следует покупать натуральные 100% аромамасла в аптеке, либо использовать пучки правильно заготовленных трав. Размахиваем пучками для усиления аромата, медленно перемещаясь по парной.

Для проведения процедуры с аромамаслами необходимо заготовить 3 небольших полотенчика размером примерно 55см на 40см.

Вечером накануне похода в баню следует заварить в термосе мяту: в термос насыпаем 3 столовых ложки (без верха) сухой травы мяты и, залив 0,5л кипятка, оставляем настаиваться до утра. Утром процеживаем настой через тонкое сито, охлаждаем и, перелив его в ручной пульверизатор, добавляем в настой 3 капли аромамасла мяты. Три капли на 400мл настоя — проверенная безопасная доза.

Перед проведением процедуры в бане складываем полотенчико вдвое по короткой стороне, слегка смачиваем один конец из пульверизатора настоем мяты (брызгаем 8-10 раз) и наносим капли аромамасла по всей смоченной области. Число наносимых капель зависит от размера парной и количества людей в ней и подбирается опытным путём. Например, для средней по размерам парной (15-20 кв. метров) достаточно 12-17 капель. Слишком сильный аромат может быть и неприятным. Нанеся аромамасло, складываем по короткой стороне и сворачиваем по длине, чтобы предотвратить преждевременное испарение аромата и чтобы удобнее было развернуть полотенце на процедуре.

Проводя процедуру, разворачиваем полотенце и, аккуратно размахивая им, перемещаемся по парной, рассказывая о целебных свойствах аромата. Рассказ должен быть благожелательным, вселяющим оптимизм. Полезно использовать такие фразы: «Вдыхаем аромат и выдыхаем проблемы. Думаем только о хорошем. Или совсем не думаем и наблюдаем за действием энергии аромата в организме». Следует напоминать, что если у кого-то возникнут покашливания или захочется простучать какую-то область тела — не надо сдерживаться, ведь мы пришли в баню оздоравливаться. Покашливания, простукивания и массаж — допустимы, ибо полезны.

Длительность подачи одного аромата 1,5-2 минуты, после чего переходим ко второму, а далее и к третьему аромату. После окончания всей процедуры полотенца оставляем в развёрнутом виде в парной, чтобы аромамасла испарились полностью и можно было использовать те же полотенца для следующей тройной процедуры.

7. Проверенные варианты замены ароматов

Первая тройная: возможен такой вариант — *полынь, мята, ель* или *можжевельник*.

Вторая тройная: вместо *лаванды* можно применить *мелиссу, бергамот* или *герань*;

Третья тройная: вместо *кедра атласского* можно применить *можжевельник*.

Ель обыкновенная — камфорно-дымный аромат ели успокаивает, быстро устраняет напряженность и нервозность, оживляет усталую, потерявшую гладкость и упругость кожу. Благодаря своим антибактериальным свойствам уменьшает угревую сыпь, помогает при перхоти. Предупреждает выпадение волос.

Мелисса — аромат путешественников, способствует быстрой акклиматизации. Арабские врачи считали мелиссу хорошим лекарством от меланхолии и сердечных болезней. Показана при гипертонии, сильном сердцебиении, плохом пищеварении, депрессии, гневе, мигренях и головокружениях.

Бергамот — горьковато-цитрусовый, дымный аромат бергамота наполняет энергией и оптимизмом, способствует позитивному мышлению, оказывает освежающее, тонизирующее воздействие. Энергия аромата оказывает противовирусное, противораковое и болеутоляющее действие, улучшает работоспособность желчного пузыря и пищеварение, чистит кожу от прыщей, помогает при экземе.

Герань — душистый, цветочный, похожий на розу, аромат герани бодрит и согревает, устраняет депрессию и перепады настроения, помогает при невралгиях. Энергия аромата помогает нам при вирусных инфекциях носоглотки, при почечных инфекциях и камнях, улучшает работоспособность желчного пузыря и пищеварение. Чистит нашу кожу, устраняет отёки и внешние кровотечения, помогает при экземе и псориазе.

Можжевельник — смолистый, бальзамический аромат, символизирующий силу и ум, несёт вдохновение, повышает работоспособность и деловую активность. Показан при плохом состоянии здоровья. Тонизирует и бодрит, усиливает кровообращение, устраняет застой лимфы, улучшает работу мочевыводящей системы, улучшает память, полезен при ожирении и кожных проблемах.

Ромашка – яблочный, горько-кисловатый, острый аромат, оказывает смягчающее, противовоспалительное и тонизирующее действие, является стимулятором пищеварения. Масло ромашки употреблялось вплоть до второй мировой войны для дезинфекции и в качестве антисептика в госпиталях. Аромат ромашки оздоравливает практически все системы человеческого тела: желудочно-кишечный тракт, мочевыводящую систему, печень и желчевыводящую систему, нервную систему, кровеносную и лимфатическую. Аромат облегчает мигрени, лихорадку, невралгии, ревматизм, воспаления, растяжения и тугоподвижность, полезен он при высоком давлении крови и застое лимфы, перепадах настроения, раздражительности, истерии и панике, бессоннице, улучшает иммунную систему, оздоравливает кожу.

Эвкалипт Австралийский

При составлении инструкции использовались:

= книга Х. Валджи «Ароматерапия», издательство «Феникс», Ростов-на-Дону 1997 г.;

= инструкции к аромамаслам.

Москва, апрель 2018 года

Автор — Дед Борис

ОТКРОВЕНИЕ

МИСТИКА ПОЭЗИИ

Интервью с поэтом Игорем ГРЕВЦЕВЫМ

(Окончание. Начало на стр. 1)

— Это я понял давно. Дело в том, что все стихи – они уже написаны.

— Кем, где?!

— Они уже Господом созданы. Если это именно Поэзия – а не то, что делают графоманы. Все настоящие стихи уже созданы. Поэт лишь авторучка в руках Божьих, его задача вот это выслушать и записать.

Стихи уже есть, они готовы, они записаны. Но таким языком, который обычному человеку непонятен. Задача поэта – «поймать» во Вселенной стихотворение, переложить его на человеческий язык и записать. Потому что на самом деле поэт, когда начинает писать стихотворение, — именно поэт — он никогда не знает, о чём оно будет, и никогда не знает, чем оно закончится. Вот появляется строка, к ней вдруг «поймалась» вторая, третья, четвёртая. А что дальше будет – он не знает. Во всяком случае, у меня стихи вот так и записывались.

Практически все последние стихи родились у храма. Цикл в тысячу стихотворений, которые я уже уничтожить не смогу...

— Что означает «не смогу»: другие стихотворения ты уничтожал?

— Я три раза уже сжигал все свои рукописи.

— И они безвозвратно утеряны?

— Да, раз они сгорели.

— Почему же ты их сжёг?

— Потому, что я чувствовал: всё это не то. Казалось бы, хорошие стихи, нормальные, а я не решался их публиковать. Мне ещё в начале девяностых предлагали в Союз Писателей вступить. Я отказался. Я тогда учился в Литинституте, и мне говорили: «Игорь, ну почему? У тебя же стихи не хуже, чем у других?». А я говорил: «В том-то и дело, что не хуже, — такие же. А зачем ещё один такой же, каких уже десятки тысяч?»

Я чувствовал: «Не то, ну, не то». Да, стихи были хорошие, но не было у них своего лица.

— Не было искры Божьей?

— Нет, она была – искра Божия. Не было лица.

— Лица твоего?

— Не моего. Не было лица Поэзии. Оно совершенно отличается от лица поэта. Когда поэт выходит на уровень Поэзии, его стихи всегда лучше, чем он сам. Ему приходится до них дорастать.

— Ты имеешь в виду, не только по биографии, но и по качеству?

— По внутреннему качеству. Стихи лучше, намного лучше меня. Они чище, они умнее.

— Как будто не ты написал эти стихи?

— Да. Вообще поэты делятся на две категории. Это поэты, которые пишут от себя и о себе. И поэты – милостью Божьей: это те, которые записывают стихи. Как правило, по стихам настоящего поэта его биографию составить нельзя.

— В смысле – твоя биография более тусклая, чем у твоих героев?

— Нет, я не скажу, что она более тусклая. Просто в моих стихах присутствуют другие люди. Я как актёр играю роли других людей, которые лучше меня.

Вдруг, ни с того ни с сего, я начинаю видеть другого человека. Я становлюсь этим другим человеком. Я начинаю проживать его жизнь. Я как бы вхожу в его душу, смотрю его глазами, переживаю, как он. И вот, когда я становлюсь этим другим человеком, я как бы преображаюсь. И через этого другого человека начинает записываться его жизнь, его видение окружающей действительности.

Ну, как у Высоцкого: когда он писал о войне, все думали, что он бывший фронтовик; писал о горах – думали, что он альпинист, и т. д. Вот то же самое происходило и со мной. Объяснить это невозможно.

— А ты не боишься впускать в свою душу чужую личность, которая на время вытесняет твою собственную?

Был такой учёный Евсей Яковлевич Мейлицев. Его увлечением было автоматическое письмо. Он как бы входил в образ Льва Николаевича Толстого и начинал писать от его имени очень интересные мысли. Я прочитал все работы классика – литературные, философские, богословские и даже дипломную написал о его педагогике. Могу свидетельствовать: Мейлицев и вправду писал как Толстой – его стиль, манера и даже почерк.

Но мы знаем, что Лев Толстой был анафематствован за его религиозные писания, которые было признаны ересью. То есть, Церковь свидетельствовала, что он впал в заблуждение и отошёл от Неё. В свою очередь писатель завещал, чтобы его не отпевали в храме и похоронили не на кладбище, а на краю оврага. Я был на его могиле и смотрел от неё в овраг – жуткое впечатление, какое-то искривление пространства, космическое одиночество.

Похоже, что такой страшной стала неприкаянная душа великого писателя. Однажды она привиделась благочестивой старушке и страшно её напугала. На вопрос, кто ты, злой старик с растрёпанной бородой прорычал: «Лев Толстой», — и стал говорить разные гадости. Старушка рассказала об этом на исповеди – батюшка спросил: «А ты знаешь, кто такой Лев Толстой?» — «Нет», — ответила она и очень удивилась, узнав, что такой богохульник был великим писателем.

Евсей Яковлевич был невоцерковлённым человеком, он не понимал, какая опасность ему грозит, и с радостью позволял «Льву Николаевичу» диктовать ему свои мысли, водить его рукой. То есть он позволял вселяться в себя неприкаянной душе или бесу, притворявшемуся Толстым. И это духовное существо жило в нём, становилось его второй личностью...

Так вот, я и спрашиваю: не боишься ли ты, Игорь, что твоя поэзия – это не что иное, как бесообщение, которое угрожает гибелью души?

— То, что я делал, не автоматическое письмо – абсолютно нет. Если сформулировать, как я понимаю: это управляемая стихия: я не знаю, что я буду писать, но я знаю, о чём я пишу.

— Не понял...

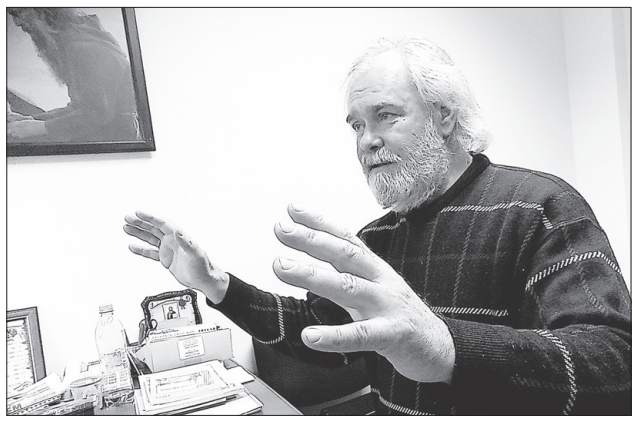
— Ну, как тебе объяснить? Когда я попадал на творческую волну и начинал улавливать вот эти звуки, поначалу я не понимал их смысла. Но, когда я их уже записывал, я осознавал, что это я пишу. Но при этом я совершенно не знал, куда меня выведёт стихотворение и чем оно закончится. Я шёл за строкой. Особенно не предсказуемы были мои лирические герои. Каждый из них жил своей собственной жизнью и в любой момент мог повернуть в такую сторону, о которой я даже не предполагал. И я волей-неволей следовал за ним. Я видел человека, о котором писал, сам на время становился им, но до конца не мог предвидеть его дальнейших поступков. И всё-таки именно я перекладывал Небесные звуки в человеческие понятия, стихотворные строчки рождались всё-таки в моём сознании...

— А не просачивались в него извне?

— Знаешь, это очень сложно объяснить. Как женщине сложно объяснить мужчине, что она чувствует, когда рожает.

— Хорошее сравнение.

— То, что ты мне рассказал в случае с Толстым, – в моём случае это совершенно не то. Если бы я писал, предположим, как Есенин, ещё можно было бы усомниться, но я никогда не чувствовал в себе какого-то постороннего поэта, писателя. Я всегда знал, что это рождается во мне, и это стихи мои, рождённые во мне. Но рождённые не по моей воле. Это как у женщины: она не знает, когда зачнёт, какого ребёнка родит. Но, когда Господь распорядится:



Поэт Игорь Гревцев

«Вот эта женщина должна зачать и родить», — она уже не сомневается, что ребёнок, который в ней – это её ребёнок. И он будет не похожим на других детей. И мои стихи не похожи на стихи других поэтов – вот это главное отличие.

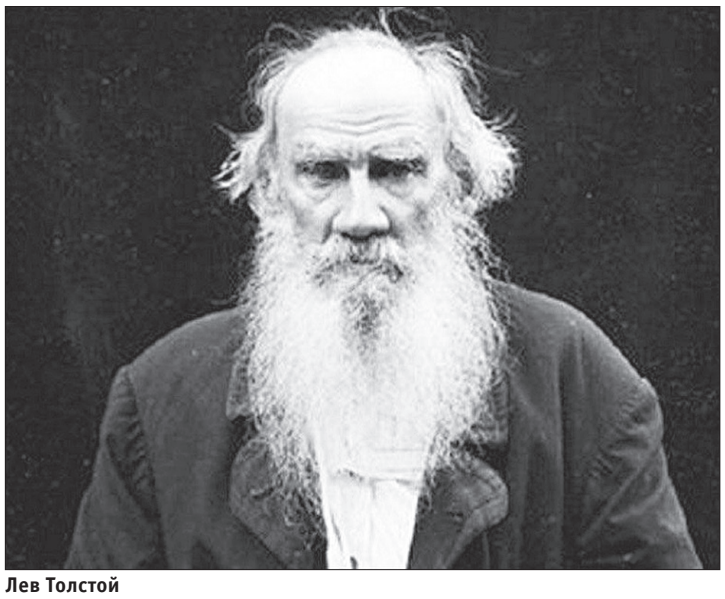
Первоверховная Личность – это Христос. Стихи пишутся, рождаются от Него. И эта Первоверховная Личность, когда я начинаю записывать стихи, формирует меня, но при этом не ломает мою личность. Когда происходит творческий процесс, во мне «неслиянно и нераздельно» существуют две личности. Игорь Гревцев человек — мерзкий, грязный, грешный, и Игорь Гревцев поэт – личность светлая, чистая и в чём-то даже совершенная. Но они не сливаются между собой и, в то же время, не разделяются.

В тот момент, когда я записываю стихотворение, оно мне не нравится. Оно кажется мне каким-то уродливым, некрасивым. Это как ребёночек, когда он рождается, такой сморщенный, жалкий, — мне поначалу даже стыдно читать, что я написал.

— Но потом они начинали тебе нравиться – иначе бы ты сжёг их, как расправлялся со своими ранними стихотворениями. Почему происходила эта переоценка?

— Практически все стихи, которые я не могу сжечь, написаны на территории храма. Но, наверное, нужно рассказать всё по прядку.

После поступления в Литинститут в 91-м году я начал воцерковляться – и у меня всё как обрубило. После воцерковления я десять лет не писал. Потому, что я начал познавать иную жизнь и видеть мир другими глазами. Но внутри пока я оставался всё тем же. Получилось так, что по-старому я писать уже не мог, а по-новому ещё не мог. Я не мог найти вот эту вот жилочку, вот эту вот ниточку, которую стоит потянуть – и выйдешь на православную тему.



Лев Толстой

Я окончил Литинститут на своих старых стихах. Никто не знал, что я перестал быть поэтом, почти перестал писать. У меня ещё был достаточный набор стихов, которые я читал на всех семинарах, выдавая их за свежие, недавно написанные. Так продолжалось с 92 по 96 год, до окончания института.

По мере того, как я воцерковлялся, я всё меньше становился поэтом.

— Не потому ли, что сама поэзия порочна, если строго рассматривать её с православных позиций? Ведь она восходит к искусству древних языческих жрецов, которые рифмовали свои заклинания, чтобы усилить их гипнотическое воздействие на слушателей. Такое воздействие может повреждать душу...

— В культуре есть двойственность не потому, что она несёт её в себе, а потому что двойственен сам человек. Творческий дар человеку может дать только Господь, так как Он есть Творец всего. Сатана творческим даром не обладает, и, стало быть, не может дать того, чего у него нет. Но он может «перекупить» творческого человека и соблазнить его на служение себе.

— Что же ты делал, когда перестал писать по-старому?

— Десять лет у меня ушли на то, что я усиленно и много читал Святых Отцов. Много молились мы с женой Машей. Я несколько раз предпринимал попытки писать по-новому, но у меня не получалось. Помню, одно стихотворение у меня застопорилось. Я его до половины написал – а дальше никак. Я его и так и этак дописывал – всё мёртвое получалось. На эти попытки ушло десять лет. Наконец, я смирился: всё, я уже не поэт, буду жить как обычный человек.

Но однажды произошёл прорыв.

— Расскажи, пожалуйста, об этом подробнее.

— Я работал куратором в православной гимназии. В нашем братстве во имя Царя-мученика Николая Второго появились спонсоры – люди состоятельные – и мы построили первый храм: деревянный, на Мамоновском кладбище. И как-то мой духовник отец Александр спрашивает меня: «А не хочешь ли ты поработать ночным сторожем при храме на кладбище?» Я отвечаю: «Как благословишь, батюшка», — «Я тебя благословляю, – сказал он. – Днём в гимназии, через ночь – сторожем. Там сторожка хорошая. Я тебя благословляю написать в ней книгу».

А под конец он добавил: «Прежде чем приступать к написанию, обходи храм крестным ходом с Богородичной молитвой». Я это принял как приказ свыше. Ни одного стихотворения не было написано без молитвы. Я действительно сначала обходил храм крестным ходом. Процесс начинался ночью... И там у меня произошёл прорыв.

— Ух, хороший был батюшка!

— Да. Как сейчас вижу... Каждый вечер закрывается кладбище, закрываются ворота храма. И я обхожу его с Богородичной молитвой. Вот я в одну ночь обошёл, во вторую обошёл. И вдруг – начинает дописываться то стихотворение, которое я никак не мог дописать. И оно так ловко складывается – сразу же! То, которое десять лет у меня лежало, было дописано в несколько минут. Потом, на следующую ночь было написано другое стихотворение. Потом – третье, четвёртое. И так каждую ночь. А потом по нескольку за ночь. Вот написал я стихотворение, выйду из сторожки отдышаться. И вдруг как будто что-то на меня находило – и я бегу опять за авторучкой. И не могу остановиться.

Полились строчки – я понятия не имею, что буду писать. Но я беру ручку, начинаю записывать – и они складываются, и так ловко получается, всё хорошо. А утром, когда я прочитываю, мне... жутко не нравится.

— Правда не нравится?

— На самом деле Богом созданные стихи более совершенны. Но на нашем языке их невозможно полноценно передать. То есть, что мы делаем? Мы переводим с небесного языка на человеческий язык. И иногда понятий не хватает. Но всё-таки, когда проходит время: год, два, три, — я возвращаюсь к этим стихотворениям, читаю их и поражаюсь: надо же, как ловко, я так не умею. Я действительно так не умею! И в то же время – это же мной написано. Вернее – записано.

Сейчас я на заказ могу написать любое стихотворение. Я могу поздравительное написать, и оно будет замечательно написано. Я могу даже

статью газетную переложить на стихи. Но это не будет Поэзией.

А что такое Поэзия, я сам не могу до конца понять. Думаю, что Поэзия – это, когда каждое слово именно то, которое должно быть, стоит на своём месте и трогает душу. Стихотворение одного поэта читаешь – не берёт, а этого читаешь – внутри что-то дрожит, и мурашки по коже.

— Это признак чего?

— Это то же самое, чем отличается живой ребёнок от искусно сделанной куклы. Посмотришь на такую куклу – как живая, совсем на ребёночка похожа, и пищит так же, и «мама» произносит. Разница только в том, что это

Храм на Мамоновском кладбище

живое существо, а это — неживое.

Я не могу сказать, в чём тайна Поэзии, я сам не понимаю. Но Поэзию – хорошие стихи – я запоминаю сразу, не свои, а чужие. Я могу услышать и запомнить, потому что это живое. Если это мёртвые стихи, я слушаю – у меня сразу начинается мозговая тошнота. Если я слышу что-то мёртвое – в прозе и особенно в стихах, — у меня внутри возникает... Ну, как у музыканта талантливого, который слышит, что ноты там где-то не дотягивают, и его коробит. То же самое и у меня, когда я слушаю мёртвые стихи.

Помню, когда-то меня зацепило одно стихотворение Юлии Друниной – простое, элементарное стихотворение о жизни. И я тогда, ещё в шестнадцать лет в школе, сказал себе: Игорь, вот так ты должен научиться писать.

Для наглядности прочту это стихотворение Юлии Друниной. Оно коротенькое очень, но это стихотворение когда-то меня просто потрясло. Называется оно «Комбат». Читаю так, как оно с первого же раза запомнилось мне на слух. Может быть, есть какие-то расхождения с оригиналом, но глазами я его никогда не видел. Вот это стихотворение.

Когда, забыв присягу, повернули
Два автоматчика назад,
Догнали их две маленькие пули, –
Всегда стрелял без промаха комбат.

Они упали, ткнувшись в землю грудью,
А он, шатаясь, побежал вперёд.
За эту смерть комбата тот осудит,
Кто никогда не шёл на пулемёт.

А вечером в землянке возле штаба,
Бумагу молча взяв у старшины,
Писал комбат двум русским бедным бабам,
Что смертью храбрых пали их сыны.

И с той поры в глухой деревне людям
Письмо читает плачущая мать.
За эту смерть комбата кто осудит?
Его никто не смеет осуждать.

— Сильно.

— Гениально! Вот тогда я себе и сказал: Игорь, до тех пор, пока ты не научишься писать так – ты ни одного своего стихотворения не опубликуешь.

— И с того времени ты стал сжигать свои стихи, написанные «не так»?

— Да, стал сжигать.

— Не жалко было?

— Не жалко. К мёртвым стихам, к своим ли, к чужим ли, я жалости не испытываю.

— А из тех, что ты писал у храма, были написанные «не так»?

— Ни одного... Все были написаны так, как надо. Потому что они уже были не мои. Господь мною писал стихи у храма. Они у меня писались каждую ночь – сначала по одному, потом по два стали писаться, потом – по три. Минут пятнадцать-двадцать уходило на записывание одного стихотворения. Вот так и происходило. Выйду, только отдышусь – и опять пошёл этот поток на меня. Бегом записывать! Записал, отдышался – пошло третье стихотворение. И опять бегом записывать!

И когда их перевалило за сотню, я понял, что вот эти стихи – настоящие.

— Их ты уже не жёг?

— Эти я уже ни одного сжечь не могу. Хотя я оставил где-то двести стихотворений из тех, что у меня были раньше. На всякий случай, чтобы понимали, что я не из пустоты вышел. Нет, и там у меня были стихи хорошие – были, были. Меня что, в Литинститут так что ли приняли, в Союз писателей тянули?

— Это было в то время, когда ещё принимали достойных.

— Наверное... Не мне судить. Но я хочу прочесть одно из тех ранних стихотворений, по которым меня принимали в Литинститут. Я родом из Донбасса, и в семнадцать лет несколько месяцев перед армией мне довелось поработать в шахте, под землёй. Там у меня родилось стихотворение, ну, такого советского плана, но оно живое. Вот послушай, как оно звучит. Называется «Шахтёрский цветок».

Под влажной тяжестью спецовки
Качнулась в сторону земля.
И больно резанул по лёгким
Колючий воздух октября.

Мы выходили из забоя
Из темноты, из тесноты.
А небо было голубое,
Необычайной чистоты.

Уставшие до злости хлопцы
(Двойная смена не игра)
Душой тянулись жадно к Солнцу
И обходили тень копра.

И вдруг от скрюченного рельса,
Где наклонился ржавый скип,
Ромашка преданно и весело
К нам протянула лепестки.

И каждый, затаив дыханье,
Сквозь это чудо проходил.
А вечно хмурый наш механик
Улыбкой всех нас удивил.

Видавший всё в свой век рабочий
Он прошептал: «Гляди, браток,
Как снизу мы прогрели почву:
Кругом октябрь, а тут — цветок».

(Копёр – специальная вышка, на которой расположен подъёмный механизм для спуска под землю и поднимания наверх платформы с людьми или инструментами. А скип – это большая вагонетка для угля).

— Эх, хорошо...

— Да. У меня были неплохие стихи. Но они были какие-то рассыпанные, там не было Бога. Там не было вечности. Вот только когда это появилось...

Мой духовник мудрый был человек. Я ему сказал: «Батюшка, я хочу писать православные стихи, но вот где мне это Православие увидеть?» — «Как где?! Да ты же оглянись вокруг: в России, куда ни посмотришь, везде Православие разлито. Везде!»

— Действительно — разлито.

— Да. «Ты, — говорит, — вглядись, вглядись». И действительно, когда я стал вглядываться, я понял, что Православие в России везде. Тогда я стал писать обо всём, что меня окружало. Я писал о бабушках, я писал о деревенских мужиках, я писал о солдатах, я писал о детях и о многом другом. А получалось, что я писал о главном – о Боге.

Автоматическое письмо

— Но всем ли понравились твои стихи о Православии, «которое разлито везде»?

— Однажды я выступал в ЦСО – там одни пенсионеры были. Со мной ещё выступали ребята, которые пели песни на мои стихи. И вот, после концерта подходит ко мне мужчина лет под восемьдесят и говорит: «Вы знаете, я бывший замполит дивизии, коммунист. Ваша христианская идеология мне вообще не нравится – я её не принимаю. Но такие стихи, как вы пишите, народу нужны». Я говорю: «Как так? У меня что ни стихотворение, то Православие?» — «Ну, какое-то, — говорит, — оно, у вас такое Православие, вы понимаете, ну, наше, родное. Вы гвозди не вбиваете...»

— Что за «гвозди»?

— «Не вбиваете, — говорит, — гвозди в сознание. Ваше Православие – оно какое-то наше, советское».

— Это очень важно: старый коммунист Православие не принимает – а стихи подводят его к нему. В этом польза настоящей культуры: она должна ненавязчиво приводить человека к Богу.

— Вот почему я с Александром Нотиным, который утверждает, что светская литература мешает вере, в корне не согласен. И в то же время я абсолютно с ним согласен. В идеале, конечно, надо читать только Святых Отцов. Потому, что там заключено всё. Но чтобы Святых Отцов понять, душа должна быть подготовлена.

Дело в том, что поэты и писатели, которые служат сатане, они не уйдут с культурного поля, даже если мы уйдём. И они будут вести свою чёрную работу. Во-первых, мы должны им противостоять.

Юлия Друнина

А во-вторых, что я хочу сказать. Ни поэзия, ни художественная литература вере научить, конечно, не могут. Но поэзия и литература, если они духовные, могут привить человеку понятия сострадания, любви, самопожертвования. Если человек это примет в своё сердце, значит, ему открылись те основополагающие истины, о которых мы читаем в Евангелии. «Возлюби ближнего своего, как самого себя... Нет выше той любви, как если кто положит душу свою за други своя».

И если вот эти понятия сострадания, любви и жертвенности человек сначала в литературе встретит, то на проповеди для него это будут не пустые слова. Если человек не умеет любить, если он ни разу слезу не пролил над чужим горем, если он не понимает, что такое – пожертвовать собой во имя Родины, как он может понять, что такое: «нет выше той любви»?

Литература – это же основа всего. Хорошие стихи – это хорошие песни. Можно ли представить себе народ без песен? Нет такого народа. Ну, не будем же мы постоянно петь псалмы?

— Не будем.

— Значит, нам нужны хорошие, духовные песни, своего рода мирские псалмы. А для этого нам нужны хорошие поэты. А чтобы наш народ смотрел высокодуховные фильмы, нам нужна качественная высокодуховная художественная литература, которую делают талантливые прозаики. Мы же не можем от них отказаться. Мы же не можем читать только жития Святых.

— Один немец-ветеран признался: «Вы победили нас в той войне, потому что у вас были такие песни, которых у нас не было». А на твои «живые» стихи уже написано сто пятьдесят песен. И ты должен писать дальше.

— Сейчас я не пишу стихи.

— Да-а?

— Да. Это закончилось в конце две тысячи седьмого года, а началось в конце две тысячи первого. Ровно столько времени мне дал Господь для написания цикла в тысячу стихотворений.

Когда начали писаться первые стихи у Храма Георгия Победоносца, я в сердце своём услышал как бы голос: «Ты напишешь тысячу стихотворений – даю тебе на это шесть лет». Я испугался поначалу: «Господи, ну как же – за шесть лет тысячу стихотворений? Самая плодовитая наша поэтесса Анна Ахматова за пятьдесят лет написала тысячу стихотворений». Но когда стали писаться в ночь по два, по три, по четыре стихотворения, я понял, что уложусь в этот срок.

Давал Господь книгами. Я не знаю, как это получалось, но я понимал, что, например, первую книгу я должен был закончить за год и два месяца. В эти сроки стихи получались живыми. Я их записывал и укладывался ровно в те сроки, которые Господь мне указывал. Потом проходило несколько месяцев, я ничего не писал, как-то так складывались обстоятельства. Потом Бог давал сигнал на написание следующей книги, потом следующей книги.

— Как закончилось твоё творчество?

— Закончилось, наверное, всё-таки не творчество, а шестилетний период, который мне отмерил Господь на записывание той тысячи стихотворений, что Он приказал мне записать. Почему шесть лет?.. Не знаю. Господу виднее.

Первая книга стихов началась в декабре 2001 года, а последняя книга была завершена в декабре 2007 года. И, причём, последняя книга должна была быть детской. Первая книга называется «Марш Победоносцев». Началась и завершилась она у храма Георгия Победоносца на Мамоновском кладбище. В ней чуть более 250 стихотворений. Год и два месяца я её писал. Ну, не каждый день, а когда у храма дежурил. И название этой книге придумал не я, – оно пришло от другого человека. Только через какое-то время у меня в сознании сложилось: храм Георгия Победоносца и «Марш Победоносцев».

— Ты все книги написал у храма?

— Первые три писались только у храма. Когда я выходил за ограду храма, и душа, и мозг отказывались что-либо слышать. Только в ограде я мог записывать стихи после того, как совершал вот это вот молитвенное хождение вокруг храма, на которое благословил меня мой духовник.

Четвёртая и пятая книги были записаны в одном рязанском посёлке, куда меня командировал духовник по делам нашей православной гимназии. Там мы вместе с женой прожили полтора года (она была работницей нашего Московского храма). Жили мы за околицей села, почти в лесу, в доме, принадлежащем нашему приходу. Жили как монахи-отшельники, фактически в скиту. Выходили в мир только на службу в местный храм. Так что можно сказать, что и четвёртая, и пятая книги были записаны в церковной ограде.

А последняя книга была вообще уникальная. Я даже не знал, начну я её писать или нет. Это книга о православных детях. Не как обычно пишут для детей: солнышко сверкает, зайчики скачут. У меня каждое стихотворение имеет героя – мальчика или девочку со своим именем, со своей судьбой. И в этой книге должно было быть сто стихотворений.

Помню, как-то мой духовник – проницательный в этом плане человек – сказал: «Я тебя благословляю написать детскую книгу». Я говорю: «Батюшка, ты откуда знаешь?» Я эту тайну вообще никому не говорил. Девятьсот стихотворений уже было написано – четыре книги. А вот детскую... До обещанной тысячи не хватало последних ста. И я знал, что они должны быть детскими. Но как подступить к ним?

Безымянный комбат

Я помню, ещё первую книгу начинал писать, только первые стихи для неё записались, а у меня уже сложилась строчка последней книги:

Сапогами топ да топ,
Шёл по лужам русский поп...

А дальше – как заперло. И больше ни вправо, ни влево. Я отложил, забросил... Но вот батюшка благословляет написать книгу детских стихов. Я поразился и говорю: «Батюшка, я тебе хоть раз говорил, что у меня в замыслах это есть?» — «Да нет, не говорил. Просто я чувствую, что ты должен книгу для детей написать».

Я помню, наступила осень 2007 года, 8 сентября, и у меня начался этот процесс. Получалось

так, что я должен был в день записывать где-то по два стихотворения. Если по какой-то причине ритм нарушался (так, в ночь перед причастием я не писал) и в результате я опаздывал на два стихотворения, — ну, думаю, Господи, я не успеваю. Но, если два стихотворения я в ту ночь не написал, то в следующую ночь мне Господь давал четыре стихотворения.

Я начал эту книгу 8 сентября и закончил 8 декабря – ровно три месяца день в день! И ровно сто стихотворений. Книга получила название «Детское сердце». Потом мне Господь дал ещё

Шахтёры из забоя

написать маленький цикл «Поэт» — это о тайне Поэзии. Там четырнадцать стихотворений. И всё, конец.

— Что произошло?

— А ничего не произошло. Просто написал тысячу стихотворений.

— Поскольку тебе было велено написать тысячу стихотворений, и ты выполнил задание, то дальше стало делать нечего, и ты отключился?

— Нет, не то, чтобы я отключился, я же и после этого пытался писать. И писал. И хорошие стихи получались. Но – не Поэзия. Я же поэтом остался, у меня же все навыки сохранились. Я же ещё несколько песен написал православных. Потом я стал на время драматургом.

— Ты имеешь в виду, что писал стихи, но это было не то?

— Это было не то. Это были просто стихи. Нет, они были хорошие, любой поэт был бы рад такие писать.

— Почему же «не то»? Не православные?

— Абсолютно православные... Ну, просто стихи. Просто хорошо рифмованные тексты. Я же говорю, что могу зарифмовать даже статью в газете. Но это будет просто статья, пересказанная в стихах. В этих стихах не будет жизни. То есть, к Поэзии они не будут иметь никакого отношения.

Ведь чем графоман отличается от поэта? Он срифмовал – ему кажется, что это поэзия. Хороший мой, это не поэзия, это стихи. Поэзия отличаются от стихов тем, что она живая. Поэзия может быть даже не рифмованной, но она будет живой.

— Вселенная живая. В ней, как ты говоришь, записана вся поэзия, которую потихоньку переводят на человеческий язык талантливые поэты. Следовательно, эти стихотворения должны быть живыми?

— Да. Вот, под Есенина у нас в России пишут тысячи, если не десятки тысяч. Написал – ну, прямо, как Есенин. Но сразу видно, что это не живое – кукла.

Дело в том, что когда это Поэзия настоящая, там совершается некий вселенский акт, где соблюдаются гармония и порядок. Каждое слово должно стоять на определённом месте, потому что оно вызывает какие-то космические вибрации. И когда составляется фраза, если там стоит не то слово или это слово стоит не на том месте, изменяется всё. Переставь его или замени другим словом – всё, стихотворение умрёт.

— Но при переходе на православную тематику ты должен был использовать много новых слов и понятий. Тебе не было страшно: вдруг скажешь что-то не то, еретическое?

— Я ведь почему поступил в Свято-Тихоновский Богословский Институт? Только лишь ради того, чтобы, изучив догматику, ни в коем случае не вставить в поэзию какое-нибудь не то слово, какую-нибудь ересь.

— И что – ты окончил Богословский институт?

— Да, учился на факультете «Богословие» и окончил институт с отличием.

— Твои стихотворения один критик с презрением назвал сюжетными. А мне, наоборот, они нравятся именно своей сюжетностью. Стихи написаны с натуры, ты не придумывал новых героев и новые события. Не создавал сущностей тонкого мира, что может навредить душе – твоей и читателей. Именно сюжетными должны быть стихи, на мой взгляд.

— Ещё Пушкин говорил, что поэзия должна максимально приближаться к прозе, а проза – к поэзии.

У меня в самих стихах мистики нет. Мистика в поступках моих лирических героев – простых русских людей. Стихи реалистичны. Многие написаны с натуры. А на некоторые события, которые, мне казалось, я сам придумал, потом получал отзывы читателей: оказывается, со многими происходило нечто подобное тому, что я описал. Причём, эти события иногда происходили раньше, чем я, сам того не зная, о них рассказывал.

— То есть, ты не придумываешь сюжеты, а списываешь их из информационно поля Вселенной?

— Я же говорю: вся Поэзия уже существует, она отражает реальные события, которые произошли раньше или ещё только произойдут.

— Не случайно гениальные поэты становились пророками? Вспомни Пушкина...

— Поэт является своего рода зеркалом. Он отображает реальный мир. Но его задача не изобразить его, а преобразить. Философские размышления, которые стихописец рождает в себе, это его личный жизненный опыт, книги, которые он прочитал. А настоящий поэт – это вогнутое зеркало, повёрнутое к небу. Небесные лучи отражаются в нём, фокусируются и уходят в мир. То есть, не от себя он пишет. Хотя сам поэт может даже не понимать, что он рассказывает, чью идею несёт.

Почему я окончил Свято-Тихоновский? Чтобы не ошибиться. После того, как стихотворение было написано, я проверял его догматикой Святых Отцов. Соответствует оно или нет православной догматике? Это было очень важно для меня, чтобы, не дай Бог, не обманул читателей. Я понимал, что отвечаю за каждое своё слово – тем более, после того, как стали писаться такие стихи.

Не ищи Вселенную в себе – найди себя во Вселенной. Это мой главный принцип; если человек его понимает, то он поэт. Если не понимает, значит, и не надо ему это понимать. Значит, не его призвание быть поэтом.

Когда я встречаюсь с человеком, который хотел бы стать моим учеником, я ему формули-

Стихотворения написаны на небесах

рую это моё правило. И только когда человек понимает, о чём я говорю, хотя бы не разумом, а сердцем, он может стать поэтом.

— Не все читатели поймут это правило. Растолкуй, пожалуйста, его подробно.

— Это невозможно растолковать во всей полноте. Я сам это понимаю не разумом, а сердцем. Но, если совсем поверхностно, то правило: «Не ищи Вселенную в себе – найди себя во Вселенной», – приблизительно можно объяснить так. Пойми, что ты не пуп земли, что не ты творишь Вселенную, что ты лишь сотворец Богу. Ты отражающая линза, сквозь которую фокусируется вся Вселенная. Но ты лишь ничтожная часть этой Вселенной.

Это как на поле боя. Когда войско побеждает? Вот, ты вышел на поле боя, стоишь в строю – личность. Но посмотрел направо – стоят такие же как ты, в таких же кольчугах, с такими же щитами. Посмотрел налево – точно такие же. Все – личности. И в то же время в общем строю уже нет ни твоей, ни иной другой индивидуальной личности. Только вместе вы можете одолеть врага, чтобы сохранилась личность каждого.

Вот, если ты думаешь: «Только я!», — и выскочишь вперёд, то сам погибнешь, и весь строй может погибнуть. Потому, что в тот проём, который ты освободил, может враг просочиться. Добровольная обезличенность личности есть величайший акт самопожертвования, и только в этом акте человек обретает черты Божественной Личности. Если перевести в плоскость нашей темы: только тогда стихописец становится Поэтом. Ну, не знаю, насколько вразумительно я объяснил то, что объяснить словами невозможно.

— Прекрасная теория сотворчества поэта и Неба. А есть ли случаи, наглядно её подтверждающие?

— Вот случай был, который подтверждает, что действительно не я пишу. В первой книге я ещё, по-видимому, только учился, недослушивал. Не мог дослушивать до конца. У меня было стихотворение, в котором я никак не мог дописать последние две строчки, как ни вертел, как ни крутил.

Это стихотворение простое. Оно о наших русских женщинах, которые во время войны трудились в тылу. Начинается с сюжета, который мне рассказали. Такой случай действительно был: дали повышенный план заводу, на котором работали, в основном, женщины. Мужики были на фронте, на их места встали русские бабы. Они и так там бедненькие по двенадцать-четырнадцать часов работали – а тут надо было ещё больше дать.

Стихотворение начинается так:

Давали план, без нюнь, без жалоб,
А нужно было больше дать.
Война, понятно, да ведь бабы,
И каждая вторая – мать.
«Начальник!.. Мы таких видали!
Всего-то без году неделя.
А то, что с детворой одна я...»
И в кабинет толкнула двери.
Вошла... и вышла. А начальник,
Так и не поняв, что к чему,
Пожал безрукими плечами
И улыбнулся. Почему?
Когда я душу свою мучу
Жестокой думой о войне,
Я вспоминаю этот случай,
Рассказанный когда-то мне
Не помню кем, не помню места,
Но вот запомнилось – и всё,
Как чья-то мать, жена, невеста
Тяжёлый груз войны несёт...

Ну, и так далее. Заканчивалось стихотворение так же, как и начиналось:

Давали план, без нюнь, без жалоб,
А нужно было больше дать...

И всё. Меня заклинило. Как я ни бился, какие только строчки туда не лепил, ну, всё не то, всё мёртвое. Я так и оставил стихотворение без окончания. Просто поставил в конце многоточие.

И другое стихотворение: в нём две строчки получались плоскими и стандартными – мёртвыми. Ну, никак я не мог их оживить. Так и оставил эти два стихотворения – одно без окончания, другое – с мёртвыми строчками. Ну, думаю, в книге 250 стихотворений – в общей массе, может, и пройдёт. И отправил всё по интернету редактору Леониду, который должен был прочитать книгу и проверить её на предмет догматической верности.

Ну, он проверил, присылает мне обратно гранки в электронном виде. Я открываю, читаю... Хоп – надо же!!! Первое стихотворение было закончено – да так просто и так гениально:

Давали план без нюнь, без жалоб,
А нужно было больше дать.
Война, понятно, да ведь бабы,
Но каждая – Отчизна Мать!

И во втором стихотворении две строчки просто гениально были исправлены. Я сам никак не мог до такого додуматься.

Набираю телефон редактора, кричу ему: «Лёня, да ты же гений!» — «В чём дело?» — «Как тебе удалось мои стихи так подправить?!», — «Я, — удивляется он, — подправил? Да ты что: неужели я посмел бы туда влезать? Я ничего не подправлял», — «Как ты не подправлял?» — «Я что – поэт? Моё дело было только проверить на предмет догматики. А если бы я захотел что-то изменить, то обязательно позвонил бы тебе», — «Но откуда эти строчки взялись?» — «Я не знаю...»

Александр Сергеевич Пушкин

И я понял, что это мне ангел тогда помог. До меня не дошло, я не дослушал, не хватило у меня терпения. Понимаешь? Так гениально просто мог написать только ангел. Это была мистика, которая меня очень вдохновила.

— Меня твой рассказ тоже вдохновляет. Я, как старый популяризатор науки, давно собираю научные подтверждения истинности Православной веры. Считается, что приборы безпристрастно отражают действительность, они не страдают субъективизмом. И если они свидетельствуют в пользу Православия, то оно верно.

Например, в моей коллекции есть видеозапись ангелов, забирающих душу праведницы и возносящих её на небо: эту величественную картину случайно увидели и сняли на мобильный телефон богомольцы с балкона соседнего дома недалеко от Троице-Сергиевой лавры. Ещё есть магнитофонная запись потрясающего пения ангелов, сделанная паломником ночью через окно в одном из храмов Афона. И вот, наконец, я получаю великолепное подтверждение от пишущего человека: ангел дописал и исправили ему стихотворения с помощью компьютера (в этом убеждён поэт)! Да так хорошо, как он сам не мог написать.

Я давно догадывался о помощи Божьих слуг во время литературного творчества. Вечером настраиваешься на тему и как бы отключаешься от внешнего мира, а утром читаешь, что набрал в компьютере, — надо же! Как здорово – я сам так не умею писать!

И вот брат по перу приводит приборное подтверждение моей догадке. Какое утешение: если нам помогают ангелы, то наше творчество угодно Богу, мы на верном пути к спасению души. Торжествует Православие – наука всех наук, искусство всех искусств!

О помощи ангелов свидетельствуют сами тексты: мы, грешные, не можем сами так хорошо писать – особенно на православные темы. Такие тексты приводят к Богу, в них торжествует Святая Русь.

— Для большинства так называемых православных поэтов Святая Русь – это золотые купола, это монастыри, это природа России. И ничего другого. Меня всё это раздражает, потому что это ложь. Прежде всего, Святая Русь – это люди. Когда духовник сказал мне, что Православие в России разлито везде, я стал всматриваться – и нашёл Православие в простых людях. Всматриваясь в них, я убедился, что и вправду Православие у нас кругом, везде.

И я тогда не то что поставил эту задачу – Господь поставил передо мной её: «Опиши русских людей, русского человека покажи». Во всех ситуациях: на фронте, в быту, в деревне.

У меня деревенская тема большая, я, как уже говорил, больше года жил в деревне, в командировке там был от нашего храма. Мы за околицей построили большой дом, хотели сделать нечто вроде летнего лагеря для детей. Не удалось. Меня туда отправили как сторожа. И вот я там с местными людьми познакомился. Всматривался в них...

Господи! Насколько же наши люди православные, даже когда в Бога не верят. Они просто сами того не знают, насколько они верующие. Как тот полковник в отставке, сказавший мне: «Я вашу христианскую идеологию не принимаю», — оказался человеком верующим.

Святая Русь – это Церковь земная, Церковь воинствующая. Поэтому у меня много стихотворений, где мои герои проходят даже через страшные какие-то испытания, прежде чем придти к Богу. А в военной тематике, если ты обратил внимание, почти все мои герои погибают. Русский воин в моих стихах погибает, но, погибая, он побеждает смерть.

Вот почему-то у меня такая тема пошла – победа над смертью через физическую смерть. Но мои стихи не ура-патриотические. Может быть, именно только так и можно описать дух русского воина. Сначала побеждается страх перед смертью, а потом побеждается и сама смерть.

— То есть человек уходит в безсмертие?

— Да, уходит в безсмерие. Это подтверждают и чудеса, случающиеся на войне. Кое-что я писал по живым свидетельствам. Кое-что я записывал из того, что видел в своём воображении, но потом встречал людей, которые говорили, что с ними происходили точно такие случаи.

— Получается, что все твои сюжеты биографичны: одни подсказали живущие в нашем мире, другие получены из информационных глубин Вселенной, где хранятся все знания о прошлом, настоящем и будущем, то есть, получены из Первоисточника – от Бога?

— Пушкин говорил, что самая сложная – сю-

жетная поэзия. Когда поэт что-то показывает, какое-то действие описывает. Гораздо легче рефлекторная поэзия, где поэт размышляет. По мнению Пушкина, лирику писать легче всего.

Я всегда старался рассказывать только о реальных событиях и никогда не фантазировать. С Божьей помощью это у меня, похоже, получалось.

Но события, которые происходили с другими людьми (или ещё произойдут), я переживал, как случившиеся со мной, я пропускал их через своё сердце. Вот почему мои стихи на военную тематику все ребята, которые воевали, которые прошли через это, воспринимают однозначно: с доверием.

Как это ни парадоксально, но о войне лучше всего может написать человек, который на войне не был.

— Почему?

— Потому что, когда человек находится в окопе, там, кроме мистической составляющей подвига, которая чиста, есть очень много грязи. Кровь, моча, разбросанные кишки – они очень сильно отвлекают. Но это внешнее. Ведь главное в подвиге – это красота человеческой души. И надо показать её. А человека, который прошёл через окопную грязь, как правило, она, эта грязь, сбивает.

Поэт же оказывается на войне душой, он сопереживает там, но он видит только красоту души. Она остаётся, конечно, вся эта грязь, она никуда не девается. Но она скрывается уже за самим подвигом.

Я в Афгане не воевал, но, в то же время, одним крылом мне пришлось его зацепить, потому что нас туда отправили из Новороссийска в феврале восьмидесятого года. А потом вышел приказ вернуть тех, кому осталось служить меньше полугода. И нас, восемнадцать человек вернули. Ну, там я в небольшом конфликте участвовал – и всё. А когда я уходил, там уже человек двенадцать из нашей роты было погибших. И сам бы я мог оказаться среди них.

Потом я очень долго и сильно переживал оттого, что меня вернули из Афгана, испытывал постоянное чувство вины перед ребятами, как будто я их предал. А жена мне говорила: «Игорь, если бы ты погиб, ну, кто бы тогда описал подвиги погибших?». Она оказалась права. Позже родился большой афгано-чеченский цикл. Да, внутренние переживания тех «малых войн» помогли мне и чеченский конфликт описать, хотя я в нём не участвовал.

Если бы я там был, я бы писал как человек, который видел все ужасы войны. Но мистику войны я не увидел бы. А так я её увидел. В результате родились живые стихотворения на чеченскую тему. Вот, послушайте одно из них. Мне казалось, я выдумал этот сюжет. Но потом выяснилось, что подобный случай действительно был на чеченской войне, и я услышал о нём от непосредственного участника. Стихотворение называется «За Христа!»

Боевая машина горела,
И глядели десять солдат
На него: как он выправит дело
Необстрелянный лейтенант.

Обложили все выходы-входы,
Даже снайперы на горе.
Что ж задумался ты, замкомвзвода?
Ну, давай же, решай скорей!

Он боялся. Вот она – правда вся.
Сам погиб, загубил ребят.
— Богородице Дева, радуйся! –
Вдруг он выдавил из себя.

И, схватив пулемёт Калашникова,
Встал на ноги и стал строчить,
И орал всё: «За Господа нашего,
За Иисуса Христа – мочи!»

А потом побежал он под пули,
Будто вечно в атаки водил.
И поднялись за ним, и рванули
Все солдатики как один.

Шли на смерть, шли легко, отчаянно –
Умирать, так хоть неспроста.
И навстречу «акбару» кричали:
«За Святую Русь! За Христа!»

Через час все одиннадцать в части,
Пополняя боезапас,
Всё не веря в солдатское счастье,
Точно ведали, Кто их спас.

— А какой был подобный случай, который произошёл в реальности?

— Его рассказал мне участник события, очень похожего на то, которое я описал в стихотворении. Их разведотряд – десять человек – во время рейда по горам попал в страшный туман. Они решили его переждать, и остановились. А когда туман рассеялся, увидели, что находятся в центре лагеря боевиков. И чего теперь делать? Тогда старший сержант хватает пулемёт и начинает смолить, а потом с криком: «Богородица Дева, радуйся! За мной, ребята! За Христа!» — бросается прямо под пули боевиков. И в полный голос, на надрыве, начинает читать, вернее, орать молитву «Отче наш». Вот так, с «Отче наш» они и прорвались. Ни одна пуля не зацепила никого. Через час они уже в части были.

— А ты читал документальный рассказ «Чукча-снайпер»?

— Нет.

— Надо же. Но там тоже описан реальный случай, очень похожий на тот, что ты якобы выдумал. И, наверное, подобных случаев было много в горячих точках локальных войн, — иначе Россия погибла бы. Вот послушай, как прорывались наши воины через площадь «Минутка» в Грозном во время Первой Чеченской: это описал мой друг Андрей Полынский со слов лейтенанта Николая Кравченко:

«И они рванули — со штык-ножами и арматуринами — навстречу превосходящему их по численности противнику, вооружённому автоматическим оружием. — Христос Воскресе! — неожиданно для самого себя крикнул Николай, выпрыгивая из оконного проёма. — Ур-ра! Христос Воскресе! — подхватили его товарищи и посыпались следом как горох. — Ур-ра! Христос Воскресе! — бежали они плотной толпой, плечом к плечу со своим командиром, настигая и круша спины и головы моджахедов. — Ур-ра! Христос Воскресе! — заскочили в остатки полуразрушенного здания. Сырой полумрак помещения вдруг заполнился заунывным воем — «Аллах акбар», от которого стыла кровь в жилах. Чеченцы повали-

Афганистан

ли, казалось, отовсюду — сверху, спереди, сзади. Белозубо щерились искажёнными от ненависти тёмными бородатыми лицами. Схлестнулись с русскими в карусели ярости, боли и смерти. — Христос Воскресе! Аллах акбар! — смешалось в едином хоре. Выстрелов уже не было, слышались лишь боевые выкрики, удары прикладов и металла о человеческую плоть, предсмертные хрипы заколотых и задушенных, хруст костей и проломленных черепов. И они прорвались. Все до единого. А потом бежали в свете луны — плотным строем, как на очередном марш-броске — по пустынным улицам Грозного. И вскоре уже «зализывали» раны в расположении российских войск.».

Тогда, оказавшись в «безвыходном» положении у площади «Минутка», лейтенант Николай Кравченко взмолился, наверное, впервые в жизни: «Господи, сделай так, чтобы мы вырвались живыми из этого ада! Если останусь жив — выстрою Тебе храм!» И Господь сделал так, как просил Николай. А он выполнил своё обещание – построил храм в родном чукотском посёлке. И стал священником.

Удивительно, как ты мог «придумать» такой сюжет, который неоднократно случался в реальности, хотя во время написания стихов ты об этом не знал?

— Ну, скажи вот честно: что, такие стихи не нужны?

— Они очень нужны, потому что в них истина, правда Божья.

— И я считаю, что такая литература нужна. Я не имею в виду – именно моя литература. Я уверен, что в России достаточно настоящих поэтов и писателей. Просто мне Господь ещё дал талант слушателя и читателя. Я умею слушать и слышать чужие стихи. И если слышу что-то живое, я начинаю тянуться к этому человеку. А если что-то мёртвое, и после моего замечания как слушателя графоман продолжает «гнать» в народ свою мертвичину, я от него отхожу. Чтобы не заразиться трупным ядом мёртвых слов.

Видишь ли, в чём дело, я понимаю, что происходит. Сейчас почти миллион пишущих зарегистрировано на сайте «Стихи.Ру». На сайте «Проза.Ру», по-моему, ещё больше. То есть, что происходит? Изливается очень мощный поток творческой энергии на Россию. Но этот поток состоит всего лишь из нескольких мощных струй, каждая из которых предназначена одному от Бога избранному поэту или прозаику. И этот избранный принимает на себя всю энергию этой, только для него предназначенной, творческой струи. Но брызги разлетаются в разные стороны. Вот на кого хотя бы одна такая капля попадает, он тут же начинает сам писать. Но, не понимая истинного значения творчества, он начинает упиваться собственной значимостью.

Многие из тех, на кого попали брызги творческой струи, начинают писать, уже будучи в почтенном возрасте, как правило, сделав какую-то карьеру и прочно устроившись в жизни: мол, а почему бы ещё и поэтом не заделаться? А поэт настоящий – это тот человек, который пишет чуть ли не с рождения. Как только научился ручку держать, записывать слова, он с этого момента начинает писать стихи. А главное, светская карьера и бытовое обустройство для него отходят на задний план, как для монаха, для которого всё мирское остаётся за стенами монастыря.

Но, знаешь, что я скажу? От этих нескольких творческих потоков, изливаемых с Небес, брызги разлетаются в разные стороны, и те люди, на которых они случайно попадают, на время становятся творцами. Графоманами, но всё-таки творцам. И это замечательно! Потому, что только на русскую землю изливаются такие потоки творческой энергии. А в силу того, что русский народ – это народ творческий, и главным его творчеством всегда было государственное созидание, мы и сумели обиходить шестую часть суши. И люди были заняты каждый своим делом: кто у станка, кто у кульмана, кто за рулём, кто за письменным столом и так далее.

Краповые береты в Чечне

Русские люди привыкли творить великую державу. Но сейчас у них отнята такая возможность. А творческая-то потенция никуда не делась. И вот, когда капелька творческой энергии из тех Небесных потоков, о которых я перед этим говорил, попадает на русского человека, он начинает реализовывать её в стихах, в музыке, в песнях. Просто некуда больше её приложить. От безысходности русский народ начинает творить в искусстве. Но когда время придёт и, наконец-то, появится возможность реализовывать таланты и токарей, и плотников, и строителей, и носителей всех прочих профессий, тогда каждый займётся своим делом. А кому от Бога предназначено писать, будут писать. Это их дело.

Женщина во время войны

— Игорь, в «Русском Вестнике» выходит много твоих публицистических статей на самые разные темы. Но ведь ты поэт – настоящий, твои стихотворения действительно живые, они трогают за душу и выжимают слезу. Зачем ты занимаешься журналистикой – ради денег, из чувства долга, по зову совести?

— Честно скажу: деньги для меня всё-таки второе, хотя, разумеется, без них я просто не выживу и банальным образом издохну, как любой другой человек. Я, наверное, точно такой же, как русский народ сейчас. Энергия распирает – её надо куда-то реализовывать. В поэзии я пока её уже не могу реализовать: Господь отнял... А потенция ж никуда не делась – я реализую её в публицистике.

— Сколько лет ты не можешь писать живые стихи?

— Считай, с 2008 года – то есть, десять лет.

— Не было другого приказа свыше?

— Не было. Но, престав писать стихи, я ещё год работал как драматург. Написал стихотворные пьесы детские, несколько штук. Одну пьесу поставили на сцене и сделали из неё радио-пьесу. Другая не нашла своего театра. Остальные так и лежат «в столе». За невостребованностью я прекратил их писать. Потом начал работать над учебником, в котором осмысливаются с православной точки зрения произведения классиков девятнадцатого века, начиная с Грибоедова — «Горе от ума», и заканчивая Чеховым — «Вишнёвый сад». Этим проектом заинтересовались на «Народном радио», где я стал вести авторскую передачу «Русская литература – глубины смысла». Это большая работа, и она пока не завершена.

Один из старейших священнослужителей РПЦ, ветеран Великой Отечественной войны протодиакон Николай Попович говорил: «Игорь, то, что ты сейчас делаешь, это нужно преподавать в Духовной Академии и в высших учебных заведениях. Именно так нашу классическую литературу надо преподавать православным». Действительно, там абсолютно православная точка зрения, я там всё перевернул. Как мы раньше учили нашу литературу, начиная с Грибоедова, Пушкина и кончая Чеховым, — всё абсолютно переделал. И перевернул правильно: с головы на ноги.

— Почему ты так считаешь?

— Потому что наши писатели-классики на самом деле показали, как устраивалась революция – кто её начинал, кто её продолжил, кто её завершил. Революционные критики девятнадцатого века: Белинский, Писарев, Добролюбов, потом их продолжили советские – доказывали, что наши писатели – глашатаи революции, то есть они призывали к ней. На самом деле наши писатели показали суровую правду: кто эту революцию делал и как делал. Как сначала развращалась наша аристократия – высшее дворянство. Это мы видим в «Горе от ума», «Евгении Онегине», «Герое нашего времени». Люди, которые должны были служить Богу, Царю и Отечеству, они начали прислуживать мамоне, Золотому Тельцу. Они получили все блага жизни, чтобы служить Истине, но отказались от этого высокого призвания.

Кто первый поднял свою лапу на Помазан-

ника Божьего? Высшее дворянство – декабристы, представители нашей элиты. А после них стало развращаться уже низовое дворянство, которое непосредственно общалось с крестьянами.

Верующих воинов спасал Бог

Тот же Печорин – страшный человек, у которого своя религия, который, вместо того чтобы служить, как следует, чем только не занимался. Кого убил? Пацана молодого, девятнадцатилетнего Грушницкого, который за ранение получил солдатский Георгиевский Крест. У него, Печорина, двадцатишестилетнего офицера, такой награды не было. А солдатский крест офицеру получить – это означает, что он непосредственно участвовал в боях.

Печорин убивает русского воина, молодо парня. Убивает просто так, от скуки. А заканчивает чем? Уезжает в Америку, присоединяется к революционным отрядам Гарибальди. И это аристократ, который давал присягу служить Богу, Царю и Отечеству.

А дальше начинает развращаться народ. И терять веру. Но аристократы потеряли веру уже в начале девятнадцатого века. И заразили своим атеизмом простой народ. В пьесе «Гроза» Островский показал, как Православная вера неотвратимо превращалась в обрядоверие. А обрядоверие страшнее, чем неверие, потому что скрывается под видом веры.

Единственный положительный – мой любимый образ – это Обломов.

— Обломов?

— Конечно. Это вообще — самая живая душа во всей русской литературе. Душа народа...

— А нам полвека назад внушали в школе презрительное отношение к этому «лентяю и бездельнику».

— Так ведь этот роман надо прочитать! Не так, как его вкладывали в наши головы. Первое, что могу навскидку сказать. Вот лежит Обломов на кровати, ничего не делает – а вокруг него жизнь так и кипит, к нему идут-идут-идут люди. И все получают ответы на сокровенные свои вопросы, все уходят от него с чистой душой. Он – как старец. Да, это образ старца: он лежит, ничего не делает, а вокруг него мир преображается, становится чище. Почитай только, заново перечитай – какие размышления, какая боль душевная!

А почему он лёг? Он же, когда приехал молодой из Питера, семь лет искал, куда приложить свои силы. Но так и не нашёл. Потому что, куда ни сунется, везде подхалимство, везде мздоимство, везде карьеризм. И тогда он решил для себя так: ребята, если я пользы не могу принести народу, то хотя бы вред не буду наносить.

Все рядом с Обломовым становились счастливыми. И заканчивается чем это произведение? Словами слуги Захара: «Какого барина Господь отнял – жить бы ему сто лет!»

А рядом немецкий еврей Штольц, который всю жизнь кипит, бурлит, говорит возвышенные речи о благе народа, – а чем он закончил? Личную карьеру сделал.

Вот он – символ русского народа: Обломов! Разве это не подвиг, быть честным перед самим собой? Этот русский человек сумел сказать самому себе: «Если уж Богу по-настоящему служить не смогу, то хотя бы сатане служить не буду». И этого было достаточно, чтобы хоть на чуть-чуть мир сделался чище.

— От такой безысходности ты перестал писать стихи?

— Я иногда так шучу: стихи писаться перестали, и вот теперь от безысходности работаю журналистом, от безысходности – литературоведом.

Раз Господь отнял право делать Поэзию (надеюсь, временно), значит, я должен делать что-то другое. Как на войне: списали с самолёта по состоянию здоровья – ну, иди инструктором работай, учи других летать.

Но, когда в 2007 году закончилась эта тысяча стихотворений, я приготовился к смерти. Я написал завещание, я жене дал распоряжение, кого приглашать, кого не приглашать на мои похороны. Я распорядился, во что меня одеть, когда в гроб положат. Я серьёзно был уверен, что умру, потому что знаю: все поэты, когда выполняют свою миссию и высказывают всё, что должны сказать, они уходят. И я уже был совершенно готов к этому. Когда чувствуешь, что ты сделал всё, страх смерти пропадает. И я готовился к смерти... Даже с радостью.

— Обломов ты наш.

— Да, мне казалось, что больше я ничего не смогу сделать. Но смерть почему-то не приходила. Живу и живу, живу и живу. «Ну, — думаю, — Господи, раз живу, значит, я должен ещё что-то сделать». Коли Господь вложил мне в руки ручку, значит, нужно держать её до конца.

Меня-то устраивает такая жизнь. Есть крыша над головой – комната в коммуналке. Есть еда, есть одежда. Но постоянная нехватка денег,

Обломов

бедность, порой даже нищета – бьют, прежде всего, по моей жене, тяжело ей приходится в таких условиях. Но она, бедняжка, терпит, ни разу не упрекнула меня ни в чём.

И это при всём при том, что с самого начала меня – бесы, наверное, — толкали делать карьеру. После школы я поступал на факультет журналистики МГУ и не набрал баллов. Пошёл в армию. А после армии я уже не хотел быть журналистом. На то были объективные причины. Не знал, куда пойти, и от безысходности пошёл в мясомолочный техникум. Сдал на отлично, окончил с красным дипломом, работал начальником колбасного цеха. Причём, с перспективой. Меня ж отправили учиться дальше, я поступил в Мясомолочный институт, чтобы в ближайшее время занять пост главного инженера, а потом стать директором мясокомбината.

Но так получилось, что мне пришлось бросить эту работу вместе с институтом и уйти. Потом попал на завод железобетонных изделий. И опять судьба меня стала за уши тянуть делать карьеру. Генеральный директор московских ЖБИ собрал всех молодых ребят, самых умных и способных, кому до тридцати, и сказал: «Давайте я буду делать из вас достойную смену». На меня он делал ставку больше всех, наверное, час уламывал, уговаривал. «Игорь, ну ты же самый талантливый, — давай, я-то тебя гарантированно продвину!». Я говорю: «Нет, вы знаете, это не моя стезя – я поэт, не хочу быть никем другим». Сейчас те ребята, наверное, уже на пенсии, – но он всех продвинул, все стали директорами строительных заводов в Москве.

Причём, он всё-таки толкнул меня в главные механики одного из цехов. Я с утра пришёл туда в качестве главного механика, а в обед был уже снят. Потому что какая-то баба сунула голову, куда не надо, и ей голову снесло. Следствие началось. А начальство говорит: «Уходи быстрее, тебя здесь не было...»

— Другие бы подставили мальчишку, свалили на него вину.

— Да, могли бы подставить. Короче, одна сила меня толкала не по моему пути, а другая – останавливала.

Директор мне говорил: «Ну, будешь писать, ты чего. Квартиру тебе сделаем, дачу отгрохаешь себе, особняк. А в свободное время пиши». А я стою на своём: нет, и всё тут.

— А почему ты отказался?

— Я с самого начала знал: той женщине, которая называется Поэзией, изменять нельзя. Эта особа измены не прощает. Всё равно я был бы несчастлив. Если бы я тогда послушался генерального директора и пошёл по предложенному им пути, сегодня я был бы глубоко несчастным миллионером, сидящем на мешках с «баблом» в своей золотой клетке.

— Но ты вынужден был зарабатывать деньги на других работах, только низкооплачиваемых.

— Да, но я был свободен. Правда, не сразу. Я перешёл на другой строительный завод мастером. Через полгода меня назначили начальником цеха. Причём, объединённого: объединили три цеха в один, сто пятьдесят человек было у меня в подчинении. И опять попёрла карьера! Думаю: «Да что ж это такое! Куда ни сунусь, везде карьера». Я и оттуда ушёл... в ученики портного.

— Как же ты так опустился?

— Ты не представляешь, что такое начальник цеха. С утра до ночи крутишься, как белка в колесе. Ложишься спать, а тебе цех снится.... Что на мясокомбинате, что на строительном заводе – везде одно и то же. А рабочим я был свободен. Поэтому я не задерживался долго на одном месте. И поэтому всё время какая-то полунищенская жизнь. Хорошо, что жена моя Маша никогда не роптала.

— Она воцерковлённая?

— Ещё какая воцерковлённая! Я говорю ей: «Маша, тебя сюда из семнадцатого века занесло – наверное, ради меня только». Такое терпение, такое смирение... Это не свойственно современным женщинам. Сейчас только, когда ей уже пятьдесят пять, усталость стала накатывать на неё по полной: «Ну, не могу уже кухню делить с кем-то!»

— Да, для женщины это тяжело. А ведь тебе предлагали шикарную квартиру и дачные хоромы...

— Вот когда я отсёк это от себя – у меня сил хватило, — я понял, что я счастлив. Я понял, что это моя жизнь. Я мучился, когда работал начальником колбасного цеха, мучился, когда работал начальником строительного цеха. Ну,

Карьера

не моё, давило это меня. А когда я всё это отбросил и ушёл, я понял, что Поэзия – это монашество, она требует отречения от всего. Не бывает так, чтобы сделать карьеру, а потом в свободное время ещё и поэтом стать. Графоманом стать можно, поэтом – никогда.

— Но какие-то элементы красивой жизни ты в своём «монашестве» позволяешь. Например, пьёшь вино, — извини за откровенность.

— Говорят, Игорь Гревцев выпивает. Конечно, я выпиваю. А где вы вообще-то видели поэтов непьющих? История таких не знает. И я таких не знаю. Графоманы есть непьющие.

— Ещё Пушкин сказал: «Истина в вине». Как в твоём творчестве это выражается? Ты пьёшь, чтобы творить?

— А, вот на это могу ответить определённо: выпивает человек Игорь Гревцев, а поэт Игорь Гревцев – абсолютный трезвенник. Дело в том, что из тысячи стихотворений ни одно не было написано даже в лёгком опьянении. Когда у меня книгами писалось – год, полтора года – я вообще не пил, даже глотка пива не делал. Это было мне совершенно не нужно. Ни одного стихотворения, ни одной строчки не родилось в опьянении. Я даже статьи во хмелю писать не могу: когда я выпиваю, у меня творческие протоки перекрываются. А стихи вообще пьяным не писал – те стихотворения, которые около храма написаны.

У меня, правда, были – по молодости – попытки писать в пьяном состоянии. Но, даже когда я не был воцерковлённым, у меня не получалось написать ни одного дельного стихотворения «под шафе». Вот, стоило выпить бутылку пива, – и всё, творчество невозможно! Какая-то муть получалась, а не стихи.

— А Пушкин наш, он всё-таки писал в пьяном виде?

— Нет.

— А как же: «Выпьем с горя, где же кружка?» Или:

«Пылай камин в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.»

— В стихах Пушкин мог об этом написать, но будучи совершенно трезвым. Нет, ни один гениальный поэт никогда не писал в пьяном состоянии. В пьяном состоянии ничего хорошего не может получиться.

Я же говорил: по молодости у меня были попытки – ещё задолго до воцерковления. Несколько раз я писал в опьянении. И когда писал, мне казалось, что выходит это так ловко, так хорошо. А когда на следующий день перечитывал, я видел какое-то уродство. И с тех пор я сказал себе: пьяным не бери в руки ручку. А когда начали писаться первые стихи возле храма, опьянение уже не нужно было.

— Наверное, потому что ты познал высшее состояние творчества, которое от Бога.

— Истинно так. Праздники были у нас, я сидел со всеми за столом, пил одну воду и мне было весело. Но это не сравнить с тем состоянием, которое возникало во время творчества.

— Как ты думаешь, почему опьянение и творчество несовместимы?

— Не знаю. Это как нельзя выпившим идти к причастию. Это святыня. А для меня Поэзия – это тоже святыня. Мои стихи лучше меня, чище меня, умнее меня. Когда они начинают во мне рождаться, мне всегда страшно испачкать их своей человеческой сущностью. Я же потом у них учиться буду.

Да, творческий процесс можно уподобить состоянию опьянения. Но это совсем другое опьянение. Это – когда «пьян без вина». Так говорили святые подвижники.

— Это опьянение благодатью?

— Наверное. Когда я писал около храма, всю ночь не спал. А после у меня такая бодрость была! Ложился часов в пять, в шесть, и четырёх часов мне было достаточно, чтобы выспаться. А потом весь день был бодр, свеж, работоспособен. И никакого алкоголя мне не было нужно.

Это несовместимо. Я не могу этого объяснить, но когда идёт творческий процесс настоящий, алкоголь просто не нужен, он мешает.

Поэт Игорь Гревцев, отвернувшись на время от человека Игоря Гревцева, заявляет: «Иди от меня, алкоголь, мне без тебя хорошо! Если выпью одну рюмку, мне станет обычно. А я хочу необычного – высшего состояния, сотворчества с Богом!»

Беседу вёл
Михаил Алексеевич ДМИТРУК.

ЧУДЕСА

СЛУЧАЙ В ОПТИНОЙ

В 1992 году я предпринял пеший поход в Оптину Пустынь. Не знаю, что меня повергло на этот шаг. В то время я не был христианином в полном смысле этого слова. Но и атеистом я не был. В моём сознании царил форменный сумбур из различных эзотерических учений, философских воззрений и текстов Ветхого Завета. Одним словом: мозговой винегрет. И, тем не менее, какая-то сила понудила меня пойти в Оптину Пустынь и именно пешком.

Я добрался до Серпухова и двинулся вдоль Оки по левому берегу. В дорогу я вышел в первой половине июня, взяв с собой из продуктов только сухари, крупу и бутылку подсолнечного масла. Один раз в сутки, вечером, после того, как разбивал палатку, варил кашу, тем и питался на протяжении всего пути. И при этом я даже не подозревал, что идёт Петровский пост (настолько далёк был от церковной жизни). Так и получилось, что перед посещением Святой обители я невольно отпостился – первый раз в жизни.

Шёл я, не спеша, почти месяц. По Оке я вышел на Жиздру, и уже по берегу Жиздры добрался до Оптиной. В монастыре совершалось Богослужение. И только там я узнал, что в этот день Церковь отмечала память апостолов Петра и Павла.

Кстати, нательного крестика на мне не было. Несмотря на то, что крещён я был ещё во младенчестве верующими тётушками и бабушкой по отцовской линии, я ни разу даже не подумал о том, чтобы прикрыть свою грудь спасительным образом Иисуса Христа. Ещё раз повторюсь: на тот момент я был полуязычником, полухристианином, полуфилософом с экуменической идеей всемирной церкви в голове, подхваченной в «Розе мира» Андреева. И всё это было замешано на крайней гордыне, переполнявшей всё моё естество, ибо я считал себя чуть ли не одним из апостолов, вернувшимся в мир, чтобы преобразить его.

Оптина Пустынь

Евангелие к тому времени я, естественно, прочёл, но о Христе имел совершенно извращённое представление. Можно сказать, я Его просто не замечал за нагромождением собственных умственных конструкций. А вот Он, оказывается, никогда не забывал обо мне. Через ряд явных и прикровенных чудес. Он буквально за три дня преобразил меня, да так ненавязчиво, что я сразу этого и не понял. Но всё по порядку.

Отстояв не более четверти часа на службе (первой, в моей осознанной жизни), я, конечно же, дико устал. Ломило всё тело. Я вышел на улицу, справа от храма увидел лавочку и упал на неё в изнеможении. В это время мимо проходил невзрачный видом, худощавый монах. Заметив меня, он вдруг резко свернул в мою сторону и присел рядом. Не помню, что он спросил и что я ему ответил. Но завязалась беседа. А потом он неожиданно спросил, есть ли на мне крест. Я честно ответил, что нет. И тогда он, повинуясь какому-то, непонятному, наверное, даже для него импульсу, снял с себя свой нательный крестик и надел на меня. Так я, крещённый во младенчестве, лишь в 33 года (столько мне было на том момент) впервые обрёл свой личный знак христианина.

А после беседы этот монах (не помню, как его звали) отвёл меня к месту упокоения Оптинских старцев и к могилкам Оптинских новомучеников – иеромонаха Василия и иноков Ферапонта и Трофима. О последних я впервые узнал только в тот день, а до этого ничего не слышал о трагедии, произошедшей в монастыре незадолго до моего прихода. Но самое удивительное случилось чуть позднее: мой монах, фактически, мой второй крёстный, подарил мне икону из кельи убиенного инока Ферапонта. Братия по традиции разобрала на память вещи отошедших ко Господу своих братьев, и ему досталась эта икона, писанная рукой самого мученика на кипарисовой доске, изготовленной им же самим. Это был незаконченный образ Матери Божьей «Скоропослушница» (непрорисованными остались ризы Младенца Христа). И это была первая моя икона, принадлежавшая мне лично. Много месяцев спустя, уже будучи воцерковлённым человеком, я осознал, какая драгоценная святыня досталась мне.

Обретение нательного креста и столь знаковой вещи, принадлежащей Новомученнику – разве это не чудо? Третье чудо случилось в тот же день, поздно вечером, когда в скитской гостинице паломники располагались на ночлег. Нам сообщили, что замироточила икона Амвросия Оптинского. Мы все бросились в храм. И я впервые увидел, как проистекает миро и почувствовал его фиалковый запах. Всё в тот день для меня было впервые. И всё как-то проходило естественно, как будто так и должно было быть.

На следующее утро после трапезы всех желающих потрудиться во славу Божию распределили по рабочим местам. Обитель тогда ещё лежала наполовину в руинах, и каждая пара рук была на счету. Мне и ещё двоим ребятам выпало нести трудовое послушание в Казанском соборе, который тогда представлял из себя четыре кирпичные и горбатые поверху стены под открытым небом. Внутри всё было перерыто и громоздились кучи земли и строительного мусора. Нам дали задание окопать с двух сторон одну из колон, стоящих с двух сторон от бывшего амвона с тем, чтобы в последствии укрепить её современным бетоном. Это послушание определено нам было на целый день. Нам выдали штыковые лопаты, огромное зубило с приваренной к ней арматуриной и тяжёлый молот. И мы приступили к работе.

Когда был снят верхний слой земли, оказалось, что основание колоны обложено бутовым камнем. В ход пошли зубило и молот. Серые, ноздреватые, но необыкновенно крепкие валуны поддавались с трудом. Из-под острия зубила летели искры. Мы махали молотом, сменяя друг друга, но с каждым ударом могли отколоть лишь небольшой кусок с ладонь величиной. Честно признаюсь, взмыленные и измотанные, мы возмущались, что нам дали такое непосильное послушание: до конца дня мы не надеялись обработать даже одну сторону колоны, а не то, что две.

Но часа через полтора после начала наших мучений вовнутрь храма вошёл молоденький монашек (или послушник). Он молча поднялся на полуразрушенный амвон, развернул принесённый с собой аналой, возложил на него молитвослов (может, Псалтирь; не знаю) и стал монотонно читать молитвы. Он читал над нами, а мы внизу копошились по пояс во влажной глине. И меня это поначалу очень раздражало: вот, мол, бездельник! Мы тут горбатимся из последних сил, а он там, наверху, стоит и прохлаждается вместо того, чтобы помочь.

Так миновало где-то с полчаса. А затем стало происходить невероятное. Бутовый камень начал поддаваться зубилу. Откалывались уже не маленькие кусочки, а целые пудовые глыбы. Металл легко входил в монолит после одного удара молотом. Часам к десяти мы окопали колону с двух сторон. Послушание, в принципе, было выполнено. Но так, как времени оставалось много, мы решили копать дальше. Каково же было наше удивление, когда камень стал поддаваться простому удару штыковой лопаты. Дальше пошло ещё легче. Уже и замах не нужно было делать. Стоило лишь налечь на штык лопаты ногой, как это делается при вскапывании огорода, как от каменных глыб отрезались ровненькие, аккуратные серые пласты. Естественно, мы заметили эту странность. Но никакого другого объяснения такому феномену мы не нашли, как только то, что камень размяк от воды и долгого лежания в земле. И это-то бутовый камень!

Только по возвращении домой, в Москве, до меня дошло, что подобный феномен произошел по молитвам Оптинских старцев именно в тот момент, когда молоденький монашек читал над нами, измотанными донельзя в узкой траншее, свою священную книгу. Это они попросили Господа, чтобы Он превратил твёрдый камень в податливую глину, а ропот наш переплавил в радость от совершённой работы во славу Его. Уже до обеда мы выполнили, и более того, в два раза перевыполнили своё послушание, окопав колону со всех четырёх сторон. Усталости не было и в помине – нас переполняло чувство удовлетворения от столь удачно проделанной работы. Вот вам и монашек-«бездельник», монотонно читающий молитвы. Оказывается, без его помощи мы бы и половины не проделали того, что проделали. Это было чётвёртое чудо, явленное мне в Оптиной пустыни, чудо, воспринятое мной настолько естественно, что я осмыслил его спустя немалое время.

А последнее, пятое, чудесное событие со мной произошло на следующий день. Выполнив очередное послушание, после обеденной трапезы я шёл в скит. Грунтовая дорожка пролегала через вековой лес. Тишина и покой царили вокруг. Я был один. И тут что-то произошло с воздухом. Неожиданно я увидел перед собой, метрах в двух, большой образ Николая Чудотворца. Он был как бы изображён на стекле белыми красками разной плотности. Сквозь него свободно просматривался лес, но я чётко видел лик святого. Я продолжал идти, как во сне, ни о чём не думая, ничего не ощущая, а образ перемещался вместе со мной, не удаляясь, не приближаясь. И в этот миг мне показалось, что я разорвал грудью какую-то струну. Я даже услышал её жалобный звук, когда она лопнула. И тут же образ Николая Чудотворца исчез. Но вместе с ним исчезла во мне и вся та духовная муть, которая переполняла мою душу. Все мои знания, накопленные за последние годы, всё моё мировоззрение, сложившееся под воздействием этих эзотерических знаний, всё моё представление о собственной значимости – всё было в одну секунду стёрто и забыто.

Я вдруг как будто проснулся. Было такое впечатление, что я переступил черту, отделяющую один мир от другого. И в этом другом мире я почувствовал себя другим. Я увидел себя таким маленьким, никчёмным, гаденьким и пошленьким. Мне стало необычайно стыдно за себя. Стыдно, что я, такая мразь, нахожусь в таком святом месте. Этот стыд настолько мощно навалился на меня, что я уже не в состоянии был оставаться там, и в тот же день покинул Оптину пустынь, даже не заходя в скит. Пешком я добрался до Козельска, оттуда на автобусе до Калуги, а от Калуги на электричке до Москвы. Это было первая, но не последняя моя поездка в Святую обитель.

Оптинские новомученики

Что я могу сказать напоследок? В Оптину пустынь пришёл гордый и самоуверенный язычник современного сатанинского толка, а из Оптиной в Москву возвратился православный христианин. И, по моему мнению, то, что со мной случилось на лесной дорожке в скит – это и есть высшее Божье чудо, чудо преображения человеческой души.

Игорь ГРЕВЦЕВ

ЗАПИСКИ АЛТАРНИКА

А ВИНА

Третье, на моей памяти, чудо произошло в Алтаре Храма, где я служу старшим алтарником.

Это случилось 23 октября 2018 года во время Божественной Литургии. Настало время переносить Чашу для Причастия (Потир) с Жертвенника на Престол. Я стоял на Горнем месте со свечой и кадилом и ждал, когда отец Геннадий закончит свои молитвы у Престола и степенно пойдёт к Жертвеннику, чтобы взять Чашу. Как обычно, он произносил молитвы вдохновенно, громко и чётко, запрокинув голову, подняв к небу полузакрытые глаза.

Неожиданно Отец Геннадий опустил голову раньше времени, на его лице появилось странное выражение радостного удивления. Он прямо ринулся к Жертвеннику, а я побежал за ним, не успев сделать обычных поклонов. По пути отец Геннадий произносил странные слова: «И вправду вина не налил».

В Чаше оказался только хлеб, который претворяется в Тело Христово. Но в ней не было вина, которое претворяется в Кровь, и не было воды. Отец Геннадий продолжал радостно изумляться и повторять: «Не налил...». Неожиданно он спросил меня: «Где вино, где вода?» Батюшка действительно не видел их, хотя они были в полуметре от него, по левую руку, на тумбочке, в большой и маленькой бутылках. Не видел, потому что его округлившиеся глаза глядели в чашу, а губы твердили: «Не налил...».

Проскомидия

Я указал ему на искомые жидкости, он быстро налил их в Чашу, положил на неё Покровец, покадил. И мы, как обычно, вышли на Солею. Я с кадилом и свечой, он с Чашей.

Дальше всё шло как обычно. Мне некогда было думать о странном поведении Отца Геннадия. Но после окончания службы он мне рассказал, что с ним произошло.

Когда батюшка сосредоточенно молился у Престола и собирался идти за Чашей, в его сознании вдруг раздался чей-то громкий голос: «А вина в Чашу не налил...». Отец Геннадий чуть не упал: он вспомнил, что действительно забыл налить вина в Потир.

Чужой голос в его сознании настолько поразил батюшку, что он забыл обо всём, кроме того, что было ему сказано. Не перекрестившись и не поклонившись, как полагается, побежал к Чаше, повторяя услышанное...

После службы я спросил Отца Геннадия: «Какой голос Вы услышали – мужской, женский, старый, молодой?» Батюшка задумался, как обычно, глядя вверх, и ответил: «Голос юноши лет восемнадцати. Он звучал громко и чётко, я хорошо его помню». – «А, прекрасный юноша – ангел Божий...», — сказал я, в свою очередь, радостно удивляясь.

Какое счастье, что мне довелось стать свидетелем этого чуда! Когда человек по немощи забыл о своих обязанностях в Алтаре, ему напомнили о них Божьи слуги.

Напомнили, чтобы Литургия прошла благополучно. А мы получили великую радость и утешение, что сподобились на службе помощи Ангельских Сил.

...Теперь объясню, почему я назвал это чудо в Алтаре третьим на моей памяти.

Первое чудо произошло лет пять назад, когда в Храме за «свечным ящиком»... умерла наша самая старая свечница Нина Андреевна. Об этом сообщили отцу Геннадию, который в тот момент стоял перед Жертвенником и вынимал частицы из просфор, поминая живых и усопших. Услышав о смерти свечницы, он рухнул на колени и слёзно молился Господу о том, чтобы Нина Андреевна ожила.

В это время другая свечница Надежда со слезами на глазах и без надежды на успех «реанимации» била по щекам умершую

НЕ НАЛИЛ

Нину, распростёршуюся в кресле. «Отошла», — печально сказала Надежда. А «отошедшая» неожиданно громко вздохнула, открыла глаза и встала с кресла... Она до сих пор жива и служит в «свечном ящике».

Третье чудо произошло немного позже. Умер в Иерусалиме наш алтарник Александр – отрок лет десяти, которого отвезли туда лечиться от лейкемии. Он ушёл из жизни временной в Святом городе: далеко не все православные сподобляются такой чести.

Саша мучительно болел лейкемией, каждый год проходил облучение и химиотерапию, но это помогало на недолгое время. Наверное, он знал, что скоро умрёт и поэтому торопился. Например, выучил и читал наизусть Шестопсалмие, что могут далеко не все взрослые служители Храма.

Так вот, смерть Саши стала великим горем для двух его друзей-алтарников. Помню, как безутешно рыдали мальчишки, когда друга привезли из Иерусалима и отпевали в нашем Храме. Максим, который был старше его, переживал особенно остро: он уже осознавал, что такое смерть, в отличие от другого мальчишки, который был самым младшим и ещё не задумывался о вечных вопросах. Быть может, поэтому Максим стал свидетелем чуда.

Юные алтарники стояли в правой части Алтаря и, как обычно, читали записки прихожан. У оставшихся в живых друзей наворачивались слёзы на глаза, когда они вспоминали об умершем Саше. Как они будут жить без друга, который, вопреки страшной болезни, никогда не унывал и всегда был заводилой в их весёлых играх?

Наверно, их мысли услышал усопший отрок Александр. Максим оторвал взгляд от записок и увидел, как в противоположной части Алтаря появился... Саша! Он материализовался на глазах поражённого друга – словно сгустился из воздуха: в белом стихаре алтарника, сиявшем в полумраке Храма.

Максим ринулся к нему навстречу и закричал: «Саша!!!» И тут умерший, а вернее, сподобившийся жизни весной, Александр сказал потрясающие слова: «Ничего не бойтесь. Я всегда с вами». После этого его яркий образ стал тускнеть и размываться, вскоре он совсем исчез.

Эти слова запомнились на всю жизнь не только Максиму, но и всем, кому он рассказал о чудесном явлении друга. Оно укрепило веру служащих в Храме. А Максим стал очень прилежным алтарником, хотя до этого был изрядным шалопаем. 24 октября 2018 года, когда я писал эти заметки, он служил в Армии, в ракетных войсках Московского региона. В ближайшее время Максим должен был демобилизоваться – мы с радостью ждали его возвращения в Храм.

Он уже вырывался к нам раза три на побывку, которую получал за образцовую службу. Максим стал настоящим мужчиной, перед которым открыты все пути. Его не испортила блатная школа, в которой он учился, где оценки покупались за взятки учителям. Призывник не отказал от Армии,

Священник молится

а честно пошёл на службу, хотя со здоровьем у него было не всё в порядке. Я думаю, что в таком честном, ответственном, безстрашном поведении раба Божьего Максима была заслуга усопшего и вечно живущего друга Александра.

Чего бояться его друзьям, оставшимся в нашем мире, если этот ангел Божий всегда с ними?

И чего бояться нам, получившим такие свидетельства о реальности Бога, Его Ангелов и жизни вечной, которой сподобляются мученики и праведники?

ЖИЗНЬ ВЕЧНАЯ ВАЖНЕЕ

Год назад я возмущался резким скачком цен на сорокоусты в нашем храме. Поминовение одного человека в течение года стало стоить четыре тысячи рублей. Подобным образом выросла стоимость поминовений на полгода и сорок дней. А в былые времена эта стоимость была в разы меньше. Но за последние годы не увеличились пенсии и зарплаты у честных тружеников. У них и так концы с концами еле сходятся – а тут такое подорожание, да ещё где – в святом храме!

Но через год мой взгляд на проблему несколько изменился. Те, кто ввёл подорожание ради увеличения доходов, просчитались. Большинство прихожан настолько обнищали, что стали неспособны оплачивать такие поминовения. Количество заказов уменьшилось в разы — соответственно «похудели» книги, в которые алтарники записывают имена поминаемых на сорокоустах. В результате доходы от повышения цен не увеличились, а уменьшились. Зато алтарникам стало гораздо меньше работы: раньше только самый опытный из них с огромным трудом успевал прочитать все сорокоусты за время службы – а теперь каждый делает это легко и непринуждённо. Радуйтесь, прихожане: каждый день поминаются все ваши родные и близкие... за которых у вас хватило денег заплатить.

Но я не стал бы писать об этих неприятных вещах, если бы не сделал для себя неожиданное открытие, которым хочу поделиться с читателями. Каждый день, прочитывая книги с сорокоустами, я вдруг заметил, что они «похудели» не одинаково. Особенно это видно в поминовениях на год. С 19 октября 2017 года по 19 октября 2018 года прихожане заказали годовое поминовение 35 усопших человек (раньше было в разы больше). А о здравии за то же время заказали годовое поминовение... 7 человек — в 5 раз меньше, чем усопших! Поразительно: и в прошлые годы, когда цены были доступными, поминовений усопших было гораздо больше, чем живых.

Получается, что большинству людей поминать усопших гораздо важнее, чем живых. Они последние деньги тратят, чтобы улучшить посмертное состояние своих родных и близких. Но считают невозможными такие разорительные расходы, чтобы улучшить здоровье, учёбу, работу своих любимых, чтобы укрепить семью, коллектив, общество...

Храм Николая Чудотворца в Отрадном

Атеистам такая логика покажется сущим безумием: как можно отдавать последние деньги на улучшение загробной жизни, которой, может быть, вообще нет! И как можно пренебрегать здоровьем и благополучием живущих в нашем реальном мире: если даже молитвы о любимых не работают, они благотворно действуют на самих молящихся, делают их способными на добрые дела.

Но для верующих такая логика вполне понятна. Вся наша жизнь в этом мире – это мгновение по сравнению с жизнью вечной. И сама временная жизнь – только подготовка к переходу в мир иной. Если мы проживём своё «мгновение» достойно, по Заповедям Божьим, то после успения сподобимся вечного блаженства, безконечного совершенствования и возможности помогать оставшимся на Земле. А если будем вести распутную жизнь ради удовольствий, причиняя страдания окружающим, не желая трудиться для общего блага, то закономерно попадём в ад, где будем мучиться вечно. Нас ожидает вечная смерть: мучительный распад и гибель души, – если за нас некому молиться на земле. Но трудно найти желающих молиться о своих мучителях: на это способны разве что святые.

Кстати, напрасно неверующие думают, что они поступают по другой логике. Отмечать дни рождения, юбилеи и другие праздники собираются далеко не все, знающие виновника торжества. Но когда он умрёт, съезжаются на поминки все родные и близкие, способные передвигаться, многие из которых не встречались годами и даже позабыли или вообще не знали друг друга.

Так поступают и православные люди: трудно собрать родных и близких на семейные праздники, да они и отмечаются не всегда, потому что верующие не придают особого значения радостям временной жизни. Но на поминки усопшего все считают своим долгом приехать, не дожидаясь особого приглашения, потому что желают помочь перешедшему в мир иной. Как это ни странно звучит, **но забота об усопших для нас важнее заботы о живых.**

И в этом нет ничего удивительного. Профессор Алексей Ильич Осипов уверяет нас, что так с древних времён поступали наши предки. Тысячи лет назад они жили в Икарии (область Древней Греции), где рождение человека считалось... несчастьем. Они устраивали по нему... плач. Оплакивали страдальца, который в муках появился в этот мир, во зле лежащий. Его ожидают болезни, несчастья, заблуждения, обман, предательство, раны душевные и телесные. Его ожидает смерть! Но когда человек умирал, знавшие его устраивали радостный праздник — тризну: наконец-то закончились страдания временной жизни и человек возвратился Домой, где будет вечно блаженствовать со своими родными и близкими.

Шли века, наши предки переселялись из страны в страну, пока не остановились в Руссии. На смену язычества пришло Христианство. Но древняя традиция сохранялась уже на уровне генетической памяти. Мы по-прежнему считаем, что этот мир во зле лежит, это юдоль печали и слёз, а вечная радость и истинная жизнь будет после смерти, в мире ином.

В свете этих истин как же нам относиться к резкому подорожанию сорокоустов в храме? Надо радоваться: Господь устроил так, чтобы мы, чувствуя свою вину перед усопшими, больше молились о них сами, а не сбрасывали эту обязанность на служителей храма. Как будто покупали индульгенцию на отпущение их грехов в мире ином. Молитвы людей, любящих человека, жившего на этом свете, сильнее молитв посторонних людей, которым заплатили за этот труд. Горячие молитвы любящих помогают не только усопшему, но и самим молящимся, улучшают состояние их душ, делают их достойными Царства Небесного.

А о живущих пока с нами на земле молиться можно меньше (так рассудили прихожане, заказавшие сорокоусты). Младенцы безгрешны – если умрут, попадут в Рай. Ну а, начиная с отроческого возраста, человек сам способен помочь себе молитвами, в отличие от усопших, которым помогают только молитвы живых и святых, к которым они обращаются за помощью. Наши сорокоусты не столько нужны живым, сколько усопшим.

...Благодарю Тебя, Господи, за то, что дал мне возможность ещё раз убедиться: в Храме Божьем всё премудро, всё во здравие души и тела. И всё – для благополучия души, расставшейся с телом. В том числе – повышение стоимости сорокоустов. Оно казалось мне несправедливым по человеческому разумению. Но, если взглянуть на проблему духовно, то откроется высшая справедливость – устроенная Богом для общего спасения. Чтобы живущие временно становились живущими вечно.

Михаил Алексеевич ДМИТРУК

Радость праведных о Господе. Васнецов

ВОСПОМИНАНИЯ О ПАПЕ

(Окончание. Начало на стр. 1)

Когда мы начали с тобой дружить? Наверное, когда мама уехала на бабушкины похороны, а мы с и тобой остались в Венгрии, и ты каждое утро заплетал мне косички, перед тем, как отвести в институт Пето, где я тогда лечилась. И каждый день нянечки с улыбкой переплетали мои волосы. «Только папе не говори», — просили они. Но ты, конечно, обо всем догадывался...

А может быть, мы стали дружить, когда ты угощал меня своими «фирменными» гренками с какао? Мы так и звали их «папины гренки». Жаль, что позже ты перестал их готовить. Они были волшебно вкусными.

Или когда ты лепил для меня льва из снега. Первый раз это было, кажется, в Питере. Мне было года четыре. А на следующий день пошёл дождь и смыл твой снежный подарок. Так было обидно.

А второй раз ты слепил льва уже дома в Подрезково, для нас с племянницей. И позировал тебе наш кот Сильвер.

Вообще со львами в детстве меня связывала какая-то дружба. И всё благодаря Венгрии. Почему-то скульптурных изображений царя зверей там особенно много. Всякие фонтаны со львами мне очень нравились. Ты сажал меня на каменного льва верхом, и я частенько баловалась тем, что затыкала пальцем отверстие, из которого текла вода, направляя струю в разные стороны. Вот таким образом однажды случайно облила прохожего. Страшно сконфузилась, но никто меня ругать не стал: ни ты, ни прохожий. Посмеялись только.

На занятях верховой ездой. Настя на коне — папа счастлив

Ещё помню, как мы с тобой ходили в парк. Тоже в Венгрии. И там у меня был друг: старое упавшее дерево, на котором росли маленькие серебристые ягодки и продолговатые листочки. Ты говорил, что это маслина. Спереди оно напоминало коня. Ты сажал меня верхом, и я ехала в воображаемое путешествие. А ты читал мне стихи:

А стихи хороши в эту пору -
Одевается роща в огонь,
Оживил долгий склон косогора
Конь буланый иль вспыхнувший клен?
И у осени, и у Пегаса –
Этих двух сокровенная связь
Обнаружилась в Болдино ясно –

Настя на любимой лошади

Тот же норов, такая же масть...

Кто знает, может быть, в такие минуты и рождались лучшие твои стихотворения?

И ещё вспоминается, как любила ходить с тобой в Королевский Дворец в Будапеште. В Венгрии вообще много скульптуры. Мне она и запомнилась какой-то скульптурной страной. Ну а в Королевском Дворце встречались целые скульптурные группы на дворцовых площадях. Например, фонтан с рыбаками, огромной рыбой и смеющейся девочкой-рыбачкой.

Но моей самой любимой была сцена королевской охоты, изображающая короля с убитым оленем в верхнем ярусе композиции, а внизу — королевская свита с собаками, припавшими к воде языками. Сначала я просто любовалась на них издали, но собаки были такие живые, что мне непременно захотелось их погладить. И ты понёс меня на руках к ним. Восторг был неописуемый!

А однажды ты взял меня на руки и стал пробираться по камням и выступам на самый верх к нише, туда, где трубил в рог король, и я прикоснулась к рогам оленя, лежащего у его ног! Сейчас только остаётся удивляться, как мы туда залезли. Тебе, наверное, было очень тяжело. Это и для одного человека непростая задача, а уж с ребёнком на руках и вовсе подвиг. Но это я понимаю уже сейчас, а тогда мне, наверное, и страшно не было: я ведь была на руках у отца...

Думаю, что и у тебя о Венгрии остались тёплые воспоминания. Не зря ты посвятил ей и нашему венгерскому другу Анталу Бабушу такие строки:

Стоим, открыты всем ветрам,
На высоте – пирует зренье.
От величавых панорам
Восторг и головокруженье.
Вдруг, изо всех любуясь сил,
Я понял Чонтвари пейзажи:
Он их не только сердцем – даже
Своими лёгкими творил.
Земля вздымается, смотри,
И опадает вниз, и живы
Дыханием монастыри,
Часовни, сёла, рощи, нивы...

Вообще ты очень любил природу, был очень восприимчив к ней. Она всегда умиротворяла, давала успокоенье. Очень много твоих стихов посвящены морю, которое ты всегда особенно любил, не меньше — птицам, этим вестникам Рая на земле. К ним ты питал особую нежность.

Каждую зиму ты делал для них кормушки из пластиковых канистр и следил, чтобы дома всегда были семечки. Часто ходил в магазин за ними сам. И всегда, как бы ты себя ни чувствовал (даже уже, когда недуг точил тебя изнутри), расчищал дорожку от снега к тому дереву, где висела кормушка, и шёл насыпать им корм. И всегда спрашивал меня: «Наська, сколько сегодня птиц прилетало?». Самыми частыми гостями были, конечно, синицы, воробьи и сойки.

Но бывали и редкие гости. Как ты радовался, когда видел красавца-снегиря, поползня или дятла! Мне кажется, что твои пернатые друзья знали и ждали тебя. Особенно семейство гаичек, поселившееся в дупле яблони. Эти крохотные пташки (до того маленькие, что мы их звали «наноптички») по-моему, даже начинали громче щебетать при твоём приближении. Несомненно, они чувствовали твою любовь и заботу. Ведь только из взаимной любви могут родиться такие стихи:

Вперёд других весну поёт
У нас веселая синица,
И начинает небосвод
Тепло и ласково лучится.

Деревья сонные под ним
У птиц-певуний на заметке,
Им солнце гребнем золотым
Расчешет спутанные ветки.

И вот уже звенит капель,
И чья-то трель в кусте рябины -
То, хохолок свой запрокинув,
Висит под гроздью свиристель.

Пернатых радостное братство,
Уж у тебя полно забот,
Ты, чтобы свой продолжить род,
Озвучиваешь пространство.

И ещё воспоминание из детства. Приходя с работы, ты всегда приносил огромное количество исписанных листов, чтобы мы с племянницей рисовали на чистых оборотах. Мы, конечно, очень смело тратили это бумажное богатство на свои детские «шедевры»: могли просто нарисовать овал, а дальше брали новый лист для следующего рисунка. Но мы-то знали, что бумаги всегда будет с избытком. Как сейчас помню, было напечатано на каждой странице «РИА Новости. При перепечатке и цитировании ссылка на РИА обязательна».

Ты был человеком разносторонне одарённым. Помимо таланта журналиста, публициста и поэта, у тебя был необычный музыкальный дар: не имея музыкального образования, ты со слуха подбирал мелодии. Причём аккомпанировал себе двумя руками! Репертуар был обширным. Ты мог подобрать и «Амурские волны» и «На сопках Манчжурии», и «Офицерский вальс», «Дунайские волны», «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат», «Эх, дороги», и «Прощай, любимый город». И, конечно, любимого Лермонтова — «Выхожу один я на дорогу». Ты всегда восхищался этим Лермонтовским стихотворением:

— Только послушай: «Спит земля в сиянье голубом», — ведь это написано до полёта в космос! Как же Лермонтов это увидел?

Для тебя игра на пианино была отдушиной. Возможностью отдохнуть после работы, сбросить с себя груз проблем семейных и политических. Ты всегда болел душой за страну и о происходящем вокруг.

Когда же я узнала папу не только как друга? Когда он раскрылся передо мной и как личность?

Это раскрытие начало происходить в таком значимом для меня в 2011-м году и продолжалось до самой его смерти. В тот год я сознательно стала обретать веру в Бога, во многом благодаря замечательным людям, вошедшим в мою жизнь, и в свете любви и веры, озарившим всё вокруг, я смогла вглядеться и в папу более глубоко.

Может быть, папа и не сознавал внутренних перемен, которые происходили тогда со мной, но он радовался любым внешним: моим успехам от верховой езды, пусть даже самым маленьким, тому, что в моей жизни появились

Уроки ходьбы. Венгрия, Будапешт.

новые впечатления и друзья, люди, с которыми нам было хорошо рядом. Чувствовал, как для меня все это важно. И сам очень любил ездить туда до конца дней. Посвятил этому месту и этим людям самое последнее стихотворение в своей жизни, такое лирическое и умиротворённое:

Люблю всем сердцем позднюю весну,
Когда увижу влажными глазами,
Коней, что шеи долгие согнув,
Припали к лугу нежными губами,
Дорогу через травы, рощу, пруд.
Перед закатом, чтобы снять усталость,
Со всем сияньем солнце в нём купалось -
Светить с пяти утра нелёгкий труд.
И жаворонок, повидавший свет,
Виясь в лучах заката, песней скажет,
Что ничего на белом свете нет
Целительнее этого пейзажа.

Папа всегда хотел, чтобы я приобретала какие-то навыки, новые движения. Много лет терпеливо учил меня плавать сначала в Евпатории, где мы отдыхали, а затем в Краснодарском крае. И поэтому как же он радовался, когда однажды летним вечером всё того же 2011-го года, приехав с конюшни, я шла без поддержки от калитки до дома. Папа страховал меня, окружив кольцом из своих рук, но при этом не касаясь. Мы проделали этот путь в полном молчании, боясь спугнуть чудо.

Я до сих пор не знаю, как у меня получилось тогда пойти. Ведь после это больше не повторялось. Я бы сейчас сама не поверила тому, что это было в действительности, если бы не было свидетеля этому событию. По счастью, есть человек, который наблюдал за моей ходьбой и помнит тот вечер.

Думаю, что обретение веры в тот год и переполнявшее меня счастье сделали возможным невозможное: пусть хоть и на мгновение приоткрылась для нас реальность чуда.

А в следующем году наступило испытание веры. Папа попал в больницу с кровотечением. У него обнаружили онкологию. Через две недели сделали операцию. С той поры слово «рак» нависло над нашей семьёй как топор. Потом папе делали ещё одну операцию, но именно первая операция запомнилась его

С дочерью Настей, внучкой Варей и внуком Тимофеем

заботой обо мне. В больнице, где он лежал, продавали именные ложки. Он купил ложки с моим именем и передал мне с мамой, которая его навещала. Видимо, папа чувствовал, что я очень тяжело переживала свалившееся на нас испытание, и, несмотря на то, что сам был еле жив, думал обо мне и решил так поддержать.

Действительно, было очень нелегко, особенно потому, что год назад я узнала Бога любящего, Бога, для Которого ты бесконечно дорог, и вдруг самый дорогой для меня человек заболевает... Я, конечно, очень хандрила. И здесь меня опять— таки поддерживал папа. Нет, разумеется, принятие сначала давалось и ему с трудом. Именно тогда я в первый и единственный раз слышала, как он плакал навзрыд.

Но потом он решил за себя бороться. Боролся, когда ездил через всю Москву на изнуряющие курсы лучевой терапии, боролся с болезнью ради семьи. «Мне нужно жить ради Насти», — говорил он. Конечно, он нередко нервничал, с тревогой ждал результатов анализов, но, тем не менее, он практически никогда не жаловался на самочувствие. Не хотел расстраивать. И только когда скрывать плохое самочувствие было сложно, так что это становилось заметно окружающим, только тогда он мог признаться, что чувствует себя неважно, и быстро сменял тему разговора. И в душе надеялся на чудо.

Часто ездил к иконе «Всецарица» служить молебны, а если не позволяло самочувствие, читал ей дома акафист. Со временем я тоже полюбила этот чудесный, рифмованный акафист, дышащий любовью к Царице Небесной. Читала его перед каждым папиным визитом к врачу. Папа тоже восхищался красотой этого акафиста. Особенно ему нравилась фраза: «Радуйся, Утешенная, яко руцы Твои осязасте воскресшаго Христа».

Мне сейчас кажется, что именно тогда папа проходил свою школу молитвы и веры. Как-то один знакомый произнёс фразу, которая очень впечатлила папу: «В вечную жизнь мы можем унести с собой только молитвенный опыт». И я верю, хотя кому-то это может показаться странным, что Богородица всё-таки услышала наши молитвы: выяснилось, что папа умер не от рака, болезнь была побеждена. Меня почему-то это очень поддерживает.

В последние годы у нас с папой сложилась ещё одна молитвенная традиция. На Пасху прочитывать отрывки из всех четырех Евангелий, где говориться о Воскресении Христовом. Идея была именно папина. И в этом году, в

первую Пасху без него, я тоже прочитала пасхальные Евангелия в память о нём.

В последние три года его жизни получилось так, что построили храм ближе к дому, и пришлось уйти из храма Рождества Христова в Черкизово, куда мы ходили всей семьёй двадцать с лишним лет.

Я очень болезненно переживала разрыв с храмом, прихожанкой которого была с самого детства, и где укрепляла основы веры, заложенные в семье. Где встретила замечательных людей, через которых Господь вошёл в мою жизнь. Этот храм был моей духовной родиной и родным домом. Папа всё это очень хорошо понимал, он сам любил храм в Черкизово, говорил, что ему очень легко стоять там на службах. Мы частенько сбегали с ним туда. Это, конечно, нас ещё больше сблизило.

Когда папа делал первую операцию, он просил молиться за него настоятеля этого храма отца Иоанна Кочкина. Батюшка помолился вместе с ним накануне операции, а в сам день операции (помню, это была память Серафима Саровского) сугубо молился за него за литургией. Папа с благодарностью всегда помнил об этом.

А за несколько месяцев до папиной смерти мы были с ним на службе в Черкизово и попали на отпевание старейшей прихожанки храма, рабы Божьей Александры, которое совершал отец Иоанн. После службы папа мне сказал: «Знаешь, хотел бы я быть так отпетым». И это желание сбылось. Именно отец Иоанн отпевал папу в Черкизовском храме.

Последние пять лет папиной жизни мы отдыхали в санатории «Горный», в городе Горячий Ключ Краснодарского края. В первый раз родители поехали туда без меня сразу после первой папиной операции, а затем и я стала ездить туда вместе с ними. В этих поездках я проводила много времени с папой: гуляя по санаторию, в бассейне или в тренажерном зале. На прогулках мы всегда разговаривали. Папа расспрашивал о моих учениках, старался поддержать, если были какие-то педагогические трудности, спрашивал, пишу ли я новые стихи. В последнюю нашу с ним поездку мы разговаривали о стихах, в частности, Николая Заболоцкого, большим поклонником которого был папа. Особенно он любил стихотворение «Слепой».

С опрокинутым в небо лицом,
С головой непокрытой,
Он торчит у ворот,
Этот проклятый Богом старик.
Целый день он поет,
И напев его грустно-сердитый,

Отец и дед. Усадьба Середниково

Ударяя в сердца,
Поражает прохожих на миг.

— Обрати внимание, Настюха, — говорил папа,— что старик «с опрокинутым в небо лицом», именно с опрокинутым, а не с запрокинутым. Значит, он уже на небе находится. Совсем непростой старик, да? И к тому же «с головой непокрытой он торчит у ворот». У каких ворот? Уж, не в Рай ли?

— А может быть, он находится где-то на границе двух миров? — предполагала я. — Напомни, какие там строки дальше.

Папа цитировал по памяти:

А вокруг старика
Молодые шумят поколенья.
Расцветая в садах,
Сумасшедшая стонет сирень.

— И дальше — смотри как здорово сказано, — восхищался папа:

В белом гроте черемух
По серебряным листьям растений
Поднимается к небу
Ослепительный день...

— Эту картину же видишь, правда? — говорил он.

Но папу особенно трогали последние строки этого стихотворения. Именно их он часто повторял совсем незадолго до смерти:

Что ж ты плачешь, слепец?
Что томишься напрасно весною?
От надежды былой
Уж давно не осталось следа.
Черной бездны твоей
Не укроешь весенней листвою,
Полумертвых очей
Не откроешь, увы, никогда.

Правда, вместо слова «слепец» папа говорил «старик». И сейчас, я думаю, что, возможно, он сам ощущал себя тем стариком, перед которым проходит жизнь, а он стоит на пороге вечности. Душа, конечно, чувствовала скорый конец.

Хотя, несомненно, папа хотел жить. Был очень жизнелюбивым. Даже уже в больнице старался быть на связи с внешним миром.

Когда работала над книгой папиных стихов, открыла его почту. Хотела посмотреть его переписку, чтобы найти какие-то его замечания по поводу книги. Она была почти готова, но издать он её так и не успел. И меня поразило, с каким количеством людей папа поддерживал связь, даже уже работая на дому. Более того, для каждого человека он находил нужное слово: либо дружеское, либо слово сочувствия и поддержки. Ему никто не был безразличен.

А ещё в ту последнюю поездку в санаторий папа обратил моё внимание на своё стихотворение «Кукушка». Так и слышу его негромкий голос:

Не дожидаясь ночи, соловей
Начнёт свое бельканто в ближней роще,
Прекрасна жизнь, и ты в союзе с ней,
Исполненной и сладости, и мощи,
И знаемых от юности чудес;
Пить можно и не с горя — вот и кружка...

Вдруг с высоты, едва ли не с небес
Подаст сиротский голос свой кукушка.
Над радостью земного бытия
Он зазвучит уныло, одиноко,
Разгадку наших судеб не тая,
Определяя времена и сроки.

А «времена и сроки» папиной кончины неумолимо приближались. В последние несколько недель его жизни мы почти не общались. Он был поглощен написанием статей для конкурса «Стоп, Матильда» против готовившегося тогда показа фильма А.Учителя. Написал целых шесть статей. Работал буквально и днём и ночью, отчего сгорел его компьютер. Не выдержал такой нагрузки и папочка.

Мне кажется, что те боли в пояснице, с которыми его положили в больницу, из которой он не вернулся, могли возникнуть от долгого сидения. И так больно сознавать, что не стоил этот фильм такого внимания. После его выхода на экраны мир не перевернулся. А вот папочки больше нет.

Папа очень хотел причаститься на Рождество Богородицы. Надеялся, что выйдет из больницы и причастится. Именно в этот праздник я в последний раз разговаривала с ним по телефону. Он пожаловался, что чувствует себя неважно. Это было в четверг. А в пятницу речь его стала не слушаться, сознание стало меркнуть. И уже заплетающимся языком он говорил о том, что ему надо готовиться к причастию (просил привезти ему молитвослов) и идти в церковь. Надеюсь, что Господь исполнил его желание и причастил его уже в Царстве Небесном.

Утром, в воскресенье, 24-го сентября, папа покинул этот мир. Он умер тихо, во сне. Последние слова, сказанные им маме, были о том, что он её очень любит. Мама ответила, что и она его. Летом 2017-го они отметили 50 лет со дня венчания.

Как сказала моя племянница Варя: «Для меня его смерть — образец полной гармонии. Полноты и завершения».

***

Меня как-то спросили, чего мне особенно не хватает с его уходом? Очень многого, конечно. Но, наверное, наиболее остро не хватает его способности поддерживать, или шуткой или просто улыбкой. А чаще всего просто молча. Иногда постоять голова к голове. Мы именно так поддерживали друг друга после того, как у папы обнаружили рак. О его болезни почти не говорили. А что тут можно сказать? Так вот стояли рядом. Так было и в последние недели его земной жизни.

Постоишь немножко. И как-то сразу легче становилось от этого безмолвного общения: понимала, что тебя просто любят, не требуя ничего взамен, появлялось чувство, что всё перенесём, преодолеем, всё наладится...

Вечная память тебе, дорогой папочка. Царство Небесное.

Анастасия Владимировна СМЫК

Последняя книга Владимира Филипповича Смыка вышла через год после его смерти. («Роза и гром: Избранное». Владимир Смык. Издательские решения, 2018.) Мы публикуем из неё некоторые стихотворения.

МЕДЫНЬ

В программе Германа Грефа развивается тезис «о ликвидации монопрофильных городов».
(Из газет)

На автобусе мы въедем
в городок такой – Медынь,
он от мёда и от меди
и, наверное, от дынь.
Он от поля в полуметре,
он от леса в двух шагах,
он ветрами так обветрен,
он цветами так пропах.
В нём порядок свой отлажен,
он – куда ни бросишь взгляд –
незаносчив, двухэтажен,
каждый выбелен фасад.
Так душевны в нём беседы,
а над ним такая синь...
Но России нашей беды
и тебя нашли, Медынь.
Не дымят твои заводы.
Городок мастеровых
весь на сотках огородных –
тишина у проходных.
Раньше волею партийной
уменьшался каждый день
счёт родных, неперспективных,
малых русских деревень.
Заросло бурьяном поле
от нескладных тех годов...
Реформаторская воля
добралась до городов.
«Вслед за пашней, вслед за фермой,
малый город, – пишут, – сгинь».
Ах, Оскарович наш Герман,
ты не тронь мою Медынь.

Роза и гром

***

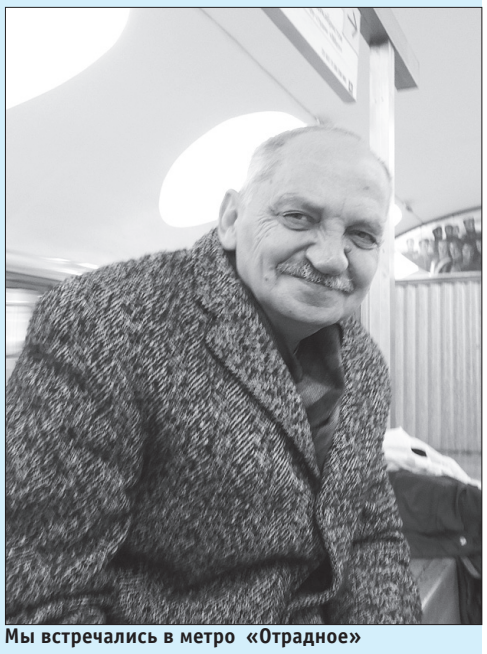
Вдруг судьба моя, став расторопной,
мне стезю проложила удачно:
оказался я в сердце Европы,
мерно бьющимся, тёплом и злачном.

Тротуары там вымыты с мылом,
на дорогах там нет наших рытвин,
за деревьями белые виллы
дорогой черепицей покрыты.

И по делу и праздно без толку
там народ суетится дородный,
всем обильна земля эта... Только
в ней Креста не увидишь Господня.

Разговаривая с небесами,
тянут шпили церковных зданий
не кресты, а шары с шипами:
– Не хотим никаких страданий.

У людей наших гладкие лица,
у людей наших жёсткие выи.
Им ходить под Крестом не годится.



Мы встречались в метро «Отрадное»

Лучше Крест оставьте России.

***

Испепеляющие годы
А. Блок

Не видя, не помня друг друга,
Отчаянье в сердце храня,
Мы отняли руки от плуга,
Под яростный крик воронья.

Не видя друг друга, не помня,
В урочный, но проклятый час
Уходим мы с русского поля
В тот день, что за нами погас.

И в полночь с небесного свода
Нам путь не укажет звезда,
Рождённым в великие годы,
Пропавшим в глухие года.

***

Я приду,
я приду к моим старым друзьям,
к моим старым друзьям возвращусь
я дорогою новой,
возвращусь, как велит наш обычай,
с той веткой кленовой,
что сродни сентябрям, нашей
крови и вашим сердцам.
Возвращусь я к друзьям.

К их домам,
ухожу я лицом на восток
к их домам, где заря в окна бьет
золотистые клинья,
облака синеву поднимают – да будет над ними
новый день. Я приду, только дайте мне срок,
я приду к их домам.

По холмам,
по холмам разбредается осень,
далеко по холмам за рекой, как табун
медногривых коней,
разбредается жизнь по холмам,
и когда-то мы спросим:
Где вы кони мои? Чьи холмы
вам топтать веселей
и вольней?

Всё сильней,
нас едва не сильней наши нужды,
наши тяжбы и службы – и кони
уносятся вскачь.
Я им вслед погляжу и, как чей-то,
услышу свой плач,
повернусь и лицом на восток побреду долгим
вестником дружбы.
Это нужно.

Так нужно.
Да, чтобы дойти до разгадки,
чтоб увидеть: их домы пусты –
ты навеки остался один...
В оборону степных журавлей
забивающий клин,
твой прекрасный октябрь наступает
в военном порядке.

ПРАВДА ИСТОРИИ

ВСЁ РЕШИЛА ГОЛОВА

Он не единожды пытался разговорить отца на тему, как тот пришёл в Красную армию? Фамильные корни — по отцовской линии – из священнослужителей, дворян; знание двух иностранных (французский, немецкий); найденные в малоприметном боковом ящичке бюро бумаги, свидетельствовавшие об успехах при выпуске из Московского кадетского корпуса, Михайловского училища, и… суконная «будёновка», да звание комэска. Явная нестыковка.

— Только не стоит приукрашивать, — не выдержал как-то очередной серии вопросов Фёдор Иванович. – Был достаточно молод, идеологически не определён, «шатался» так сказать. В сентябре 17-го пришёл в краткий отпуск из-за контузии, задержался в Москве, а тут революционная буря подхватила. Знающего народу у большевиков не хватало, случайно попал в Красную гвардию. Затем Западный фронт — бои против немцев и Юденича. Через несколько месяцев перешёл к своим (в один из добровольческих белых полков): надоело смотреть и слушать о расстрелах многих знакомцев. Недоверие к «золотопогонникам» довлело часто над разумом.

Белый террор

С весны 1918 года был на юге – сначала в районе Царицына, чуть позже на Дону. Ни душа, ни сердце успокоения найти не могли. Кровь и жестокость присутствовали в полной мере с обеих сторон. Гражданская война тем и выворачивала «наизнанку», что брат на брата, сын на отца, часто не задумываясь замахивался, только потому что изначально по разные стороны были.

Хочу заметить, что «красные», в основном, только к стенке ставили, а вот наши, «белые» всё больше вешали – подчас могли так все фонари на целой улице украсить. И особой, какой-то садистской жестокостью отличались женщины с нашей стороны. Вот один из примеров: походная жена штабс-капитана Черемисина. Любила, стерва, пленному иной раз по глазам нагайкой «с шайбой» хлестнуть или кавалерийской пикой раненого добить, долго глядя, как из пронзённого тела кровь хлещет.

Надоело всё страшно. И отсутствие порядочного мыла, и вшивость (как во фронтовом окопе), и частые вспышки холеры, тифа, и бесконечные подозрения с обеих сторон, и доносительство, и мародёрство, и участившиеся случаи выстрелов в спину.

Особенно возмущали ничем не оправданные проявления садистской жестокости и цинизма.

…Фёдор Иванович позволил рассёдланной Астре поваляться на траве, предварительно хорошенько протерев её соломой. Снял седло, сам стал рядом, готовый при первом выстреле вновь заседлать лошадь.

Фёдор Иванович стоял почти в центре группы из четырёх человек (сговаривались насчёт вечерней пульки), когда «краем уха» зацепил разговор рано начавшего седеть ротмистра Юдинкова с двумя молодыми кавалеристами. Один всё удивлялся, что не встречал на поле боя отрубленных голов.

— Неоднократно видел расколотые черепа, «разваленные» до седла тела, а валяющихся голов ни разу, — сетовал он.

— Всё потому, батенька, — назидательно произнёс Юдинков, — что мы рубим пехоту сверху, с силой. А здесь требуется удар «мягкий», скользящий. При случае напомните.

Взбивая пыль, на залитую солнцем площадь влетела пролётка. Кроме кучера в ней сидело ещё трое: в центре, в изодранной гимнастёрке и с кровоподтёками на лице, высокий мужичок; по бокам от него, с примкнутыми штыками на трёхлинейках двое наших солдат (явно конвой).

Почти сразу из большого каменного дома на крыльцо, торопясь и немного прихрамывая от недавнего ранения, но резво «выкатился» полковник Архаров.

— Это что такое?

— Да, вот – велено в штаб доставить, к Вам, ваше благородие!

— Комиссар?

— Так точно, — отозвался конвоир.

— Некогда. Мне пролётка нужна. Повесить, — буднично распорядился Архаров и плюхнулся на сиденье, скрипнувшее рессорами.

Архаров ткнул кучера в спину, Пролётка с места взяла скорость.

Комиссар стоял на солнцепёке с трясущимися руками. Один из конвойных отправился в штаб, видимо за верёвкой и мешком, чтобы выполнить приказ полковника. В это же время к «красному» подошёл Юдинков. Он не торопясь достал серебряный портсигар с монограммой, протянул комиссару.

— Угощайтесь и успокойтесь.

Пленный взял две папиросы: одну сунул за ухо, вторую быстро и жадно закурил.

Юдинков сделал три шага назад. Раскуривая, комиссар стоял к нему спиной, прикрываясь от лёгкого дуновения июльского ветерка. Ротмистр неожиданно для всех выхватил саблю и нанёс по шее пленного комиссара сухой скользящий горизонтальный удар. Голова упала и мягко откатилась в пыли. Фёдору Ивановичу и смотреть бы на голову продолжать, а он, словно завороженный, не мог оторвать взгляд от шеи, из которой через несколько мгновений вылезло горло, откуда стала хлестать чёрная кровь. Тело зашаталось и рухнуло оземь с глухим звуком.

— Вы его как петуха непокорного, — заметил вскользь вольноопределяющийся Фроликов, у которого даже пропало желание продолжать обсуждение предстоящей баталии за карточным столом.

Красный террор

Ротмистр без суеты подошёл к распластавшемуся комиссарскому телу и оттёр не успевшую «запечься» на клинке кровь о его брюки.

Затем Юдинков торжествующе огляделся и сказал, обращаясь к молодёжи:

— Ну, видели, как надо рубить? С одного удара – чик – и вон она, голова. Пойди, скажи напарнику, что ничего более не требуется – ни верёвки, ни мешка, — сказал второму конвоиру.

— Милостивый государь, Вы поступили подло. Зачем же нужно, словно надежду давать, угощать комиссара папиросой? – возмущённо вскинулся Фёдор Иванович.

— Не кипятитесь, как курсистка. Какой пример молодёжи? Сделал я всё верно: во-первых правильный удар показал, обучил. Во-вторых, комиссару мучиться в мешке да в петле не пришлось. А то, что закурить дал, – это ему нервы успокоило. Может, Вы меня ещё «к барьеру»? Извольте, готов.

— Полно, господа! — примирительно произнёс артиллерийский капитан Солодков. — Жизнь нынче копейки не стоит и не такие фортели показывает. И, Фёдор Иванович, голубчик, не забывайте – завтра наступление. Не дай Бог, ежели за спиной кто-либо не из своих окажется. Доброхотов много развелось. Ещё и в контрразведку заявят. Мы-то Вас знаем, а там остолопов и «садюг» хватает.

В тот вечер застрелился один из преферансистов – подпоручик Николаев. Выставил на всю компанию полдюжины «Смирновской» и два шустовских коньяка. В прощальной записке объяснил, что кругом слишком много грязи и подлости, «душно ему», ушёл к себе в комнату и застрелился.

Фёдор Иванович после похорон трижды приставлял наган к виску, но на курок так и не нажал. Ему всё мерещились агатовые глаза Зиночки, которую он оставил в Екатеринодаре. Там теперь красные.

Через неделю стал помощником командира эскадрона 1-й Конной.

…Вечером чаёвничал на просторной веранде у старого знакомого ещё по Москве – инженера Розанова. Зинаида Гавриловна сидела напротив.

Розанов настойчиво добивался ответа на вопрос о том, как он всё же решился перейти. Фёдор Иванович порядочно устал от однообразия разговора и, подводя черту, весомо, ровно сказал:

— Видите ли, Россия-матушка всегда воюет. То со Степью, то с Западом, то с османами, а то и со всей Европой. Столетиями дружина становым хребтом была, а затем мы — офицеры. Но воевать и побеждать можно и орды, и европейские армии. Всё, батенька – извольте заметить — чужое. А как со своим народом сражаться?

Что получается? Пока мы одну офицерскую «железную» роту формируем, глядишь, у «красных» два новых полка появилось… Не хотят люди, чтобы мы, «белая кость», опять во главе страны встали. Либералам и подавно ни на грош не верят. Особенно рабочие и крестьяне. Интеллигенция в вечных метаниях, которые часто к откровенному предательству ведут. Большевики, оказалось, лучше всех знают, чем на свою сторону привлечь: землю пообещали. Долго, конечно, крестьянину ждать придётся. Могут и не дождаться. История рассудит.

Мне теперь обратной дороги нет – до конца дней «красную лямку» тянуть. Присягу принял, честью поклялся…

Так началась его долгая, тридцатисемилетняя служба в молодой советской России.

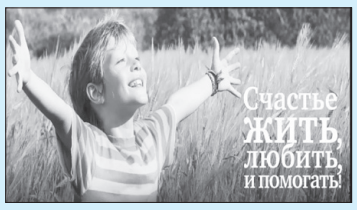
Борис Фёдорович БЫЧКОВ

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Я рад сообщить читателям, что чудо совершилось: нашлись добрые люди, которые пожертвовали деньги на типографию, — и № 23 газеты «Дари Добро» был напечатан… через пять месяцев после появления его электронной версии в интернете (на сайте «переправа.орг). Так что смерть газеты оказалось клинической, она ожила вопреки нашему неверию, в котором мы искренне каемся.

ГАЗЕТА ВОСКРЕСЛА

Это означает, что отныне мы не будем унывать ни при каких обстоятельствах. Если даже сами умрём, то с верой, что наше дело продолжат другие люди, которые стремятся к спасению души добрыми делами. Так уже случилось однажды, когда умер лучший автор «Дари Добро» Владимир Филиппович Смык (24 сентября 2017 года). Ему на смену пришёл талантливый публицист, писатель, поэт Игорь Дмитриевич



Гревцев и буквально завалил нас отличными материалами. Сегодня мы публикуем его интервью и рассказ – открывающие тайны бытия, убеждающие в истинности Православия, утешающие и вдохновляющие. Такими всегда были лучшие материалы «Дари Добро». Слава Богу, традиция продолжается.

Мы делали № 24 ДД, не имея никаких денег на его выпуск. Но веря, что если будем искренне стремиться помогать читателям своим творчеством, то и они помогут нам. И добрые люди действительно дали деньги на этот номер, который поможет читателям выжить в нашем суровом мире, чтобы достойно подготовиться к жизни вечной.

...Классик сказал: если можешь, не пиши. И я не писал несколько месяцев, оправдывая себя тем, что нет денег для выпуска бумажной версии газеты, уже появившейся в интернете, не говоря уже о будущем номере. Но оказалось, что невозможно жить без любви к ближним, которыми стали для меня читатели, — не делая газету, которая помогает им и утешает их. Такое творчество наполняло мою жизнь высоким смыслом и великой радостью.

И я сердечно благодарю благотворителей, которые дали возможность продолжить моё творчество. Прошу читателей помолиться о здравии и спасении Александра, Николая, Елены, Марии. Желающие помочь в выпуске следующего номера «Дари Добро» звоните по телефону:

8-968-508-47-10.

Михаил Алексеевич ДМИТРУК

Учредитель: Благотворительный Фонд помощи детям, неимущим семьям и людям с ограниченными возможностями «Дари Добро» .
Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер: ПИ № ФС77-50399 от 29 июня 2012 года.
Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви от 10 января 2013 года. Свидетельство №231.
Юридический адрес редакции (почтовый) 105062, г. Москва, Лялин пер., д. 8, стр.1, кв.10.
Газета распространяется на пожертвования.
Главный редактор: Михаил Дмитрук.
Верстка и дизайн: Юрий Голованов.
При цитировании и перепечатке ссылка на «Дари Добро» обязательна.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция не несёт ответственности за содержание объявлений рекламного характера.
Просьба не использовать газету в хозяйственных целях.

Отпечатано в ООО «ВМГ-Принт» 127247, г. Москва, Дмитровское шоссе, д. 100. Подписано в печать 20.12.2018. Заказ № Тираж 5000 экз.